

А. Д.
С. - 91

Прогресс и история

А. Д. Сухов

МОСКВА · МЫСЛЬ ·

А. Д. Сухов

Прогресс и история

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1983

ББК 63.3

С 91

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф.

Б. Т. Григорьян,

канд. филос. наук

Е. Н. Лысманкин

С 0302010000-002 24-84
004(01)-83

© Издательство «Мысль». 1983

Введение

азмышления о судьбах истории во все времена нередко сводились к вопросу: идет ли человечество вперед, становится ли его жизнь лучше? Ответы бывали самыми разными.

В эпоху, переходную от первобытнообщинного строя к классовому обществу, у многих народов складываются легенды о золотом веке. Легенды эти существовали в Вавилонии, Иране, Индии, Греции... Передававшиеся первоначально из поколения в поколение в устной форме, они впоследствии получают литературную обработку.

В одной из поэм Гесиода (VIII—VII вв. до н. э.), «Труды и дни», подробно рассказывается о пути человечества под уклон, о его исторической деградации. Согласно Гесиоду, человечество пережило пять основных стадий, каждый раз как бы спускаясь по лестнице истории на одну ступень вниз. Начав золотым и пройдя через серебряный и другие века, оно оказалось в железном. Изначальное состояние человеческого рода, золотой век, в изображении Гесиода — эра безоблачного счастья. Все имелось в изобилии, причем труд был совсем необязательным: сама земля снабжала людей тем, в чем они испытывали нужду. Каждый мог жить безмятежно, проводить свое время в пирах. Иное дело — железный век, ставший в конце концов уделом человека. Сам поэт — свидетель этого времени. Люди проводят дни в работе, заботах, печалях. Зло царит всюду и побеждает добро; насилие властвует, а справедливость попирается¹.

Легенда не случайно появилась в раннеклассовом обществе: все, чем жили люди прежде, безвозвратно ггло и новое, основанное на жестоких социальных антагонизмах, постепенно брало верх. Теперь многие черты прошлого, в котором не было насилия и угнетения, казались особенно привлекательными. Легенда о золотом веке — идеализация далеко не идеального первобытного состояния человечества.

В новое и новейшее время благодаря истории, археологии, этнографии легенда о золотом веке была преодолена. В. И. Ленин имел все основания сказать:

¹ См. Эллинские поэты. М., 1963, с. 145—147.

«Что первобытный человек получал необходимое, как свободный подарок природы, — это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»².

Однако в истории общественной мысли, философии, литературы проявления этой легенды в той или иной форме или во всяком случае ее отголоски — не редкость.

Понятие «золотой век» было воспринято писателями древнего Рима. О возврате к нему мечтал в «Буколиках» Вергилий³. Овидий описал его в «Метаморфозах» и, сопоставляя с римской действительностью, находил, что такое сравнение — определено не в пользу последней⁴.

Некоторые французские просветители XVIII в. также обращались к этой легенде. Критикуя феодальные порядки, они нередко противопоставляли их «естественному состоянию» человека, в результате чего современный им феодализм представал особенно уродливым и непривлекательным.

Впрочем, не только первобытность, но и некоторые другие исторические состояния, отодвигаясь в отдаленное прошлое, подвергались идеализации. Деятели Возрождения преклонялись перед античностью, рассматривая ее как кульминационный пункт исторического развития. Многие романтики XIX в. находили, что самая прекрасная историческая эпоха — средние века с рыцарским духом, благородными и бескорыстными побуждениями, возвышенными помыслами.

Но с давних пор существовал и другой взгляд на ход истории, согласно которому будущее лучше настоящего.

Августин, один из наиболее видных представителей патристики, получивший в христианской среде прозвище Блаженный, в сочинении «О граде божием» противопоставлял неприглядной действительности прекрасный грядущий мир. Граду человеческого, земному идет на смену град божий, утверждал Августин. Этот град божий, о котором писал раннехристианский мыслитель, не мог быть не чем иным (и это вскоре стало очевидным), кроме как феодальным обществом. Пропагандируя

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 103.

³ См. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971, с. 40—41.

⁴ См. Овидий. Метаморфозы. М., 1977, с. 33—35.

свой идеал, Августин и другие раннехристианские идеологи способствовали разрушению прежних социальных порядков и становлению новых.

Когда же феодализм оказался в состоянии кризиса, то у передовых мыслителей эпохи он вызывал чувство отвращения; грядущее же общество представлялось им царством свободы, равенства и братства. Правда, реальное будущее опять-таки оказалось весьма непохожим на свой идеал: это было буржуазное общество.

Некоторые из просветителей, не ограничиваясь сопоставлением двух последовательных стадий общественного развития, давали общую оценку всему историческому процессу и приходили к выводу, что история — прогрессивная смена общественных состояний. Здесь должны быть прежде всего упомянуты книги: «Рассуждение о всеобщей истории» А. Р. Тюрго и «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Ж. А. Кондорсе. «...Вся масса человеческого рода, переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и годы бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все бóльшему совершенству»⁵, — говорил Тюрго в речи, произнесенной в Сорбонне 11 декабря 1750 г.

Первым концепциям общественного прогресса неизбежно были свойственны черты абстрактности и умозрительности. В их основание не были положены факты экономической жизни. Главным двигателем общества на путях прогресса оказывался человеческий разум, и историческое развитие трактовалось идеалистически. К тому же венцом всего социального развития становилось одно из его звеньев — буржуазное общество.

Вплоть до середины XIX столетия лишь социалистам-утопистам удалось предвидеть более отдаленное будущее и предсказать, что капитализм — всего лишь один из исторических фазисов человечества. Французский утопический социализм, представленный А. Сен-Симоном и Ш. Фурье, явился одним из теоретических источников марксизма, неотъемлемой составной частью которого стал научный коммунизм.

Концепцию прогресса марксизм разрабатывает на принципиально новой идейной основе: понимание общества и его проблем становится последовательно науч-

⁵ Тюрго А. Р. Избранные философские произведения. М., 1937, с. 52.

ным. Новые методологические принципы позволяют покончить с социальными утопиями, неясными мечтами и благими пожеланиями. Выясняется сложность и противоречивость прогрессивного в целом хода всемирной истории. Найдены критерии прогресса.

С точки зрения марксизма развитие цивилизации на Земле, как и любой конкретный процесс, имеет определенный предел. Социальный прогресс здесь не бесконечен уже потому, что, по словам Ф. Энгельса, «можно предвидеть конец периода жизни Земли»⁶. Восходящая линия земной цивилизации когда-нибудь сменится нисходящей. Однако, можно предполагать, что это время еще весьма и весьма далеко. Поэтому рассматривать ныне данный вопрос подробнее не имеет особого смысла.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 552.*

І. Стадии социального прогресса

сновоположники марксизма установили основные ступени в развитии общества, свойственные ему экономико-исторические типы. «...Маркс, — писал В. И. Ленин, — положил

конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹. Наиболее обстоятельно К. Маркс исследовал капиталистическую формацию и, по словам Ленина, показал ее «как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»².

Первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая формации являются типами общества и вехами всемирно-исторического процесса.

Социальное развитие в пределах определенной формации, затем переход от одной формации к другой, эволюция новой формации — все это и составляет главное содержание всемирной истории. Каждая из существовавших до сих пор четырех формаций пережила возникновение, расцвет и деградацию, восходящую и нисходящую линии в своем развитии. И тем не менее общее направление социального развития было неуклонным: когда движение той или иной формации совершалось по нисходящей линии, в недрах ее уже имелись предпосылки новой, так что гибель старой формации, ее уход с исторической арены, воспринимавшиеся обыч-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

² Там же.

но ее идеологами как упадок цивилизации вообще, в действительности открывали новые исторические перспективы, давали возможность беспрепятственно развиваться новой формации.

Регресс — столь же неотъемлемый элемент истории, как и прогресс. Прогрессивное развитие общества было бы невозможно без регресса многих его компонентов, совершающегося по мере того, как они отживают свой век. Становление нового и отмирание старого — две взаимосвязанные стороны социальной истории.

Ход истории — во всемирно-историческом масштабе — необратим. Движение общества от низшего к высшему обусловлено ростом производительных сил. В соответствии с этим происходят изменения в базисе, в свою очередь влекущие изменения в надстройке. От первобытнообщинной формации через ряд других к коммунизму — такова столбовая дорога всемирной истории. Социальное развитие происходит в совершенно определенном направлении, несмотря на постоянные препятствия, временные отступления и локальные рестаурации прошлого.

Еще одной важной мерой социального прогресса является понятие об исторической эпохе. Это понятие появилось в европейской науке еще в XVII столетии. Первоначально весьма условное, оно было конкретизировано марксизмом и приведено в соответствие с марксистским учением об обществе, его историческом развитии.

Всего насчитывается пять исторических эпох — первобытность, древность, средневековье, новое время и новейшее время. Эпох столько же, сколько формаций. И это, конечно, не случайно: характер эпохи зависит от той или иной общественной формации — соответственно первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Но в каждую эпоху существуют различные экономико-исторические типы общества. Даже в наши дни, новейшее время, отсчет которому был положен в 1917 г. социалистической революцией в России, на земном шаре представлены различные формации — от первобытнообщинной, сохранившейся еще в некоторых «глухих» уголках планеты в виде архаизмов, до коммунистической, достигшей в СССР стадии зрелого социализма.

Формация, которая определяет эпоху, далеко не всегда является единственной, тем более преобладаю-

щей. В эпоху древности сохранялись обширные и явно превалировавшие по размерам зоны, где продолжала сохраняться первобытнообщинная формация. Феодалная формация, первоначально освоившая сравнительно небольшую часть Земли, постепенно распространялась по Европе, Азии и Северной Африке. Но и она не стала универсальной. Не знала феодализма Австралия. Ему лишь в малой мере были доступны Африка и Америка. Капитализм также не только не освоил всю ойкумену, но в ряде случаев даже искусственно консервировал отсталость некоторых стран и народов, превращая их в эксплуатируемые придатки капиталистической системы.

Хотя прогресс и осуществляется всегда только через формацию, само по себе формационное развитие еще не дает достаточных оснований, чтобы судить о том, прогрессивно ли оно в рамках всемирной истории. Процесс развития должен быть соотнесен с исторической эпохой. Развитие той или иной формации или переход от одной формации к другой не всегда могут быть охарактеризованы как прогрессивные — все зависит от того, в какую историческую эпоху они совершаются.

В средние века и в новое время становление капитализма или его развитие от своих ранних форм к зрелому состоянию были прогрессивными эпизодами в истории общества. Но в современную эпоху подобные события не ускоряют уже ход истории. Развитие какой-либо страны, освободившейся от колониального гнета, по капиталистическому пути лишь усиливает антагониста мировой системы социализма. Прогрессивным для развивающихся стран является некапиталистический путь. выбор социалистической ориентации.

Формация не только экономико-исторический тип общества, но и социальная общность, образуемая, как правило, из многих отдельных социальных организмов, которые на различных ступенях истории представлены то локальной группой, то родовой организацией, то этносом (племя), то союзом племен, то, наконец, государственным объединением. В каждую историческую эпоху существовали формационно разнородные группы социальных организмов, и эти группы были носителями разноплановых социальных тенденций — прогрессивных или застойных.

Но бывает и так, что сами социальные организмы содержат не один, а несколько экономико-исторических

типов общества, т. е. являются социально неоднородными. Империя Маурьев, существовавшая на Индостане во второй половине I тысячелетия до н. э. и являвшаяся одним из крупнейших государств древнего Востока, охватывала в своих границах разные общества, как рабовладельческие, так и первобытнообщинные. В России перед Октябрьской революцией кроме доминировавшего капитализма существовали весьма обширные районы, где еще удерживалась феодальная формация (на Северном Кавказе, в Средней Азии) и даже первобытнообщинная (на Крайнем Севере и кое-где в Сибири).

В ряде работ В. И. Ленина встречается понятие «общественно-экономический уклад». Основу уклада, как и основу формации, составляют производственные отношения, но не вся их совокупность, а лишь вполне определенная система таких отношений. Над этими производственными отношениями возвышаются все другие порожденные ими и соответствующие им общественные идеи, отношения и учреждения. Ленин указывал на «особый уклад общественного хозяйства, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека»³.

В первобытнообщинной формации долгое время имелся лишь один общественно-экономический уклад. Но на поздней стадии ее существования в ее недрах появился еще и рабовладельческий уклад. Последующая история — это история многоукладного общества. Остальные формации не функционировали в «чистом» виде. Они содержат укладами или остатки прежних формаций, или зачатки новых. Истории известны и такие уклады, которые не являются переходными. Так, рабовладельческая формация располагала укладом, который включал в себя деятельность мелких производителей — крестьян и ремесленников. Без этого уклада рабовладельческое общество вообще невозможно (без групп свободных или полусвободных мелких производителей не могут обойтись армия и некоторые сферы производства).

Переход от одной формации к другой (за исключением перехода от капиталистической к коммунистической) совершается через уже существующий уклад — последовательно через рабовладельческий, феодальный, капиталистический. Новый уклад, появившийся в формации, обреченной историей на гибель, рано или поздно

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 37.

становится главным элементом зарождающейся формации. Уклад — столь же необходимая форма социального прогресса, как и формация.

В переходный период, когда постепенно сходит с исторической арены одна формация и ее место призвана занять другая, в едином социальном организме совершаются разнородные социальные процессы. Происходит размежевание социальных сил, столкновение социальных противоположностей. Вместе с тем гетерогенные элементы общества взаимодействуют между собой, оказывают друг на друга взаимное влияние.

В переходный период от феодализма к капитализму в различных странах можно было наблюдать одно и то же явление — обуржуазивание какой-то части дворянства. Либеральное дворянство России, связанное с капиталистическим производством, было заинтересовано в отмене крепостного права и сыграло важную роль в подготовке и осуществлении реформы 1861 г.

Но в период перехода от феодализма к капитализму обнаруживается и иная, встречная тенденция — одворянивание части буржуазии. Некоторые буржуа, приобретшие дворянство и вкладывавшие основные капиталы в земельную собственность, постепенно усваивали признаки представителей класса феодалов. В Италии, и в частности в Тоскане, пережившей еще в средние века становление раннекапиталистических отношений, с конца XV в. процесс одворянивания разбогатевших горожан происходил быстрыми темпами, явно превалируя над процессом обуржуазивания феодальной знати, и существенно повлиял на деформацию раннего капитализма. Замедленное, а в ряде случаев и попятное развитие экономики и социальных отношений в Тоскане в XVI — XVII столетиях в немалой мере было предопределено подобными взаимосвязями и взаимозависимостями между горожанами (пополанством) и феодальными элементами (нобиями) ⁴.

Явления перехода из одного имущего класса в другой существенно замедляли эволюцию общества на Ближнем Востоке. «Открытость» класса феодалов притягивала здесь в его ряды разбогатевших торговцев и ремесленников. Экономические и социальные различия между городским патрициатом и землевладельческой

⁴ См. Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979, с. 162—165.

знатью, нарождающейся буржуазией и помещичьими группами не были из-за этого достаточно четкими. Переход от феодализма к капитализму затягивался здесь надолго⁵.

Подобные взаимные влияния в переходные периоды испытывают многие элементы социальной структуры. Ожесточенная борьба дополняется «перетягиванием» некоторых элементов из одной социальной системы в другую, их перерождением и т. п. Появление и развитие новых социальных явлений сопровождаются воспроизводством прежних отношений и идей, сохранением традиционных органов власти.

Все это придает переходному периоду известную неустойчивость. Новые социальные отношения, если они не приобрели еще достаточной прочности, могут быть порваны, а некоторые утраченные уже части социального организма — восстановлены. В переходный период социальное движение не обходится без зигзагов. Неодолимость нового — лишь общий итог этого развития.

Во всех формациях, исключая коммунистическую, переходный период охватывает последние стадии той, которая отживает свой век, и начальные — новой. Переходный период совпадает здесь по времени и содержанию с появлением в недрах старой формации нового уклада, его развитием, противоборством и взаимодействием между укладами. Победа нового уклада означает конец прежней формации.

В отличие от прошлого, где становление новых формаций предваряли длительные переходные периоды, коммунистическая формация, приходящая на смену капиталистической, содержит переходный период в себе: день рождения коммунистической формации — 25 октября (7 ноября) 1917 г., а переходный период к ее первой фазе и состояние многоукладности в нашей стране продолжались до второй половины 30-х годов.

Смена одной формации другой — эпоха социальной революции. Социальная революция меняет тип общественных отношений, а также и господствующую в обществе идеологию. Она низлагает прежнюю государственную власть и утверждает новую; в этом проявлении она становится политической революцией. В своей теории

⁵ См. *Смилянская И. М.* Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (На материалах Сирии, Ливана и Палестины). М., 1979, с. 194.

революции К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что любая социальная революция имеет политический аспект. Маркс писал: «Каждая революция разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть*, и постольку она имеет *политический* характер»⁶.

Революция отличается от эволюции не только тем, что затрагивает качественное состояние явления, но и темпами развития. Революция всегда нечто быстротечное по сравнению с эволюцией. Но и революция — процесс, совершающийся во времени. Социальная революция нередко растягивается надолго. Она может подвергнуться пересмотру не всю систему социальных отношений и взглядов сразу, а лишь какую-то ее часть, она может быть более или менее глубокой в своих проявлениях и т. д. Взятие власти каким-либо классом общества также не единовременный акт. Более того, оно осуществляется и поэтапно.

Революционные преобразования всегда, однако, включают в себя утверждение новых производственных отношений как господствующих, а также становление новых форм власти, приобретение новой идеологией статуса официальной.

Революционная ломка устаревшей формации представляет собой кульминацию переходного периода (но не конец его); это тот рубеж, который отделяет одну формацию от другой.

В начале новой эры, когда в Римской империи рабовладельческие отношения продолжали господствовать и даже расширяли свой ареал за счет первобытнообщинных периферии и окружения, в недрах рабовладельческой формации зародился и постепенно стал набирать силу феодальный уклад. Наступил период, переходный от рабовладения к феодализму.

Все большее значение получает колонат — такая форма эксплуатации, когда производитель материальных благ, обрабатывающий земельный участок, закреплен на нем. В начале новой эры колонат становится одним из ранних проявлений феодальных отношений, и колонны являются в это время, по словам Ф. Энгельса, «предшественниками средневековых крепостных»⁷.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 448.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 148.

Изменения происходят и в формах рабовладения. При этом значительные слои рабов, и рабовладельцев «перерождаются». Рабам все чаще предоставляются в пользование средства производства и участки земли, к которым они прикрепляются. Происходит сближение этой категории рабов с колонатами; различия между ними постепенно изживаются. Экономическое положение рабов опережало их правовое состояние, но и последнее не оставалось неизменным. Часть рабов переводится на систему колоната. Со II в. н. э. убийство раба господином запрещается юридически, раб перестает быть полной собственностью господина.

Широкое распространение в империи получает и вольноотпущенничество — вольноотпущенники сохраняют с бывшими владельцами определенные отношения, напоминающие колонатные.

Некоторые группы господствующего класса отдают явное предпочтение новым формам эксплуатации. Появляется новая, феодализирующаяся знать, постепенно отесняющая рабовладельцев с их прежних позиций.

Борьба между различными группировками в «верхах» общества завершается сменой политической власти. Правление Константина (306—337) является «оформлением победы нового экономически господствующего класса крупных землевладельцев, эксплуатирующих непосредственного производителя, наделенного средствами производства и прикрепленного не к господину, а к земле, т. е. уже не являющегося рабом. Государство Константина было органом власти этого класса, использовавшего его как для борьбы с остатками отживающих социальных групп, так и с революционными движениями масс... С начала IV в. уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации, о классах рабов и рабовладельцев как об основных, определяющих классах»⁸.

Феодальная революция, как и любая другая, включала в себя не только социальный и политический, но и идеологический переворот. В новом укладе сформировалась христианская религия. Христианство распространялось среди тех слоев населения Римской державы, которые были причастны к новому укладу, — среди рабов, положение которых менялось, вольноотпущенников,

⁸ *Штаерман Е. М.* Проблема падения рабовладельческого строя. — Вестник древней истории, 1953, № 2, с. 77, 79.

колонов, а также среди феодализирующей знати. После прихода последней к власти в правление Константина христианство становится государственной религией.

Это не значит, конечно, что в это время христианство господствовало безраздельно. Его преобладание отмечено лишь в некоторых восточных областях империи, где и социальные сдвиги были более значительными, чем в ее западной части. В начале IV в., когда христианство стало официальной религией, общее число его последователей составляло не более 10—15% населения Римской империи⁹.

Однако к этому времени налицо все основные слабые стороны феодальной формации, хотя ей и предстоит еще долгий путь развития — даже переходный период еще не завершен. В совокупности производственных отношений тон задают феодальные; у власти находится феодализирующая знать; официальной идеологией является христианство (впоследствии оно станет в Европе типично феодальной идеологией). Предпринимавшиеся впоследствии попытки изменить ситуацию не давали ожидаемых результатов, даже реставрация власти рабовладельцев и восстановление в правах традиционных религиозных культов в 60-х годах IV в. при императоре Юлиане Отступнике не вернули к жизни прежнюю формацию. К. Маркс с иронией отзывался о стремлениях вернуть изжившее себя состояние общества. «Это направление, — писал он, — к которому принадлежал еще император Юлиан, полагало, что можно заставить совершенно исчезнуть дух времени, пролагающий себе путь, — стоит только закрыть глаза, чтобы не видеть его»¹⁰.

Начало капиталистической формации во Франции датируется 1789 г. К этому времени в стране сложился и функционировал буржуазный уклад. Благодаря Просвещению различные группы буржуазии — от умеренных до радикальных — были вооружены идеологически. В результате Великой французской революции феодальные отношения были разрушены, а политическая власть перешла к буржуазии.

Но после реставрации Бурбонов капиталистическая формация понесла тяжелый урон. У власти оказались

⁹ См. Ленцман Я. А. Происхождение христианства. М., 1960, с. 262.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 99.

дворянские клики, удерживавшие ее в течение 15 лет вплоть до 1830 г. Однако дворянская и клерикальная реакция уже не смогла справиться с новой формацией, и последняя не прекратила своего существования. Более того, под влиянием социальных реальностей сама монархия Бурбонов претерпевала известные изменения, эволюционировала по направлению к монархии буржуазной, хотя крайне медленно и непоследовательно, совершая попятные движения и продолжая придерживаться прежних политических идеалов.

В. И. Ленин так оценивал политическую ситуацию во Франции конца XVIII — первой трети XIX в.: «До Бурбонов 1815 года, до 1789 года монархия была во Франции феодальная, патриархальная. После 1830 года монархия была буржуазная. А какая же была... монархия 1815—1830 годов? Ясно, что она была «шагом на пути превращения в буржуазную монархию»¹¹.

Необратимость социального развития вызвала в конце концов кризис власти — июльская революция 1830 г. вновь привела к власти представителей класса буржуазии.

Во второй половине XVIII в. буржуазные производственные отношения становятся устойчивыми в России, они образуют уклад¹². Этот уклад, постепенно прогрессируя, приобретает в 1861 г. признаки главенствующего. Капиталистическая формация в России охватывает период до октября 1917 г., но вплоть до февраля этого года она так и не была полностью достроена «доверху». Монархия Романовых, как и монархия Бурбонов в 1815—1830 гг., эволюционируя в сторону буржуазной монархии, так и не завершила этой эволюции.

Таким образом, в переходный период новая формация в реальном своем проявлении не обязательно включает в себя все возможные компоненты. Некоторые элементы надстроечного порядка (и нередко весьма существенные — государственная власть, официальная идеология) не всегда соответствуют ей в достаточной степени. Есть один признак, без которого ни одна формация не существует; именно на него вслед за К. Марксом указывал В. И. Ленин, давая определение формации «как

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 83.

¹² См. Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. Избранные труды. М., 1973, с. 95—96.

совокупности данных производственных отношений...»¹³. Это «минимум формации». Но Маркс и Ленин охарактеризовали формацию и в полном, развитом виде.

Определение той грани, которая отделяет одну формацию от другой, усложняется из-за недоразвитости, невыявленности в полной мере той или иной формации, что не редкость в общественном развитии.

II. Социальная дивергенция

стествоиспытатели и философы XVIII в., стремясь наглядно представить взаимосвязь различных объектов, существующих на нашей планете (как живых, так и неживых), упоминали о лестнице. А. Н. Радищев, например, в своем трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» писал о «лестнице веществ», на которой можно мысленно расположить все — от камня до человека. Позже у эволюционистов прочно вошло в обиход другое изобразительное средство — дерево природы. Ветви этого дерева символизируют расхождение биологических видов в их основных признаках.

Подобное свойственно и социальному развитию. Прогресс и здесь означает движение не только вверх, но и в стороны, расхождение социальных организмов по многим показателям. Немалую значимость при этом имели традиции, сохранявшие и закреплявшие социальные особенности.

Социальная дивергенция явственно обнаружилась уже в древности. Тогдашняя цивилизованная ойкумена распалась на две большие части — древний Восток и античный мир.

В предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс выделял азиатский и античный способы производства. В «Капитале», имея в виду множество социальных организмов на Востоке и в античном мире и обращая внимание на эпоху, в которой они существовали (древность), Маркс говорит о древнеазиатских и античных способах производства¹.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7; т. 23, с. 89.

Античные общества в гораздо большей степени, чем древневосточные, базировались на рабстве. Основные классы общества — рабы и рабовладельцы — включали в себя значительную часть населения. Рабовладельческое общество было представлено в древней Греции и Римской державе (точнее, в некоторых их областях) в наиболее зрелом и «чистом» виде, хотя и здесь население не состояло лишь из рабов и рабовладельцев. Помимо класса рабовладельцев, включавшего в себя крупных землевладельцев, владельцев мастерских, в которых интенсивно применялся труд рабов, торговцев, ростовщиков, откупщиков и некоторые другие социальные группы, владевшие рабами, к свободному населению относился также неосновной класс общества — класс мелких производителей (крестьяне и ремесленники)². Мелкие производители могли также иметь рабов, но в отличие от класса рабовладельцев они и сами принимали участие в процессе производства.

Способ производства, получивший распространение на древнем Востоке, можно назвать азиатским, или древнеазиатским, лишь условно, хотя он и был широко представлен на огромных пространствах Азии (в Месопотамии, Китае, на Индостане и т. д.), но его нетрудно обнаружить и за ее пределами, в частности в древнем Египте, основные территории которого находились в Африке. Варианты азиатского способа производства до великих географических открытий существовали и в некоторых местах Америки.

Уровень развития рабства на древнем Востоке был значительно более низким, чем в античном мире³. Оно как бы застыло на стадии становления. По относительной численности рабов древний Восток уступал античным обществам, хотя во время победоносных завоевательных походов в ту или иную страну Востока поступали весьма большие партии рабов. Сопротивление рабов господствующим классам здесь временами было значительным, о чем свидетельствуют восстания рабов. Не все они были подавлены; в случае успеха восстания рабовладельцы и рабы — по крайней мере частично — менялись местами в системе социальной иерархии —

² См. Утченко С. Л. О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества. — Вестник древней истории, 1951, № 4, с. 15—21.

³ См. Авдиев В. И. История древнего Востока. М., 1953, с. 10.

бывшие рабы становились рабовладельцами, а их прежние господа обращались в рабское состояние⁴.

Экономический и общественный строй на древнем Востоке был невозможен без рабов, и существование института рабства основательно воздействовало на общественные отношения, идеологию, право и психологию общества⁵.

Все же в производственной сфере рабам на Востоке принадлежало более скромное, а мелким производителям куда более видное место, чем в странах античности. Древнейшие очаги цивилизации на Востоке возникли в долинах великих рек — Нила, Тигра, Евфрата. Земледелие здесь осуществлялось с использованием искусственного орошения. Возводились сложные ирригационные сооружения, необходимые для регулирования водных ресурсов.

Рабский труд, во всяком случае в сколько-нибудь существенных масштабах, был на этих работах неприменим — одной лишь грубой физической силы людей, совершенно не заинтересованных в результатах своего труда, было недостаточно. Важные производственные функции сохранила за собой сельская община. Сельская община, подпавшая в новой общественно-экономической формации под власть класса рабовладельцев и их государства, вообще весьма характерна для самых различных древневосточных цивилизаций.

Особенности экономической жизни античности и древнего Востока отразились и на их политических институтах. Для упрочения своего господства над массами рабов античные рабовладельцы стремились сплотить вокруг себя все свободное население, привлекая его к доле того богатства, которое создавалось трудом рабов (раздачи из государственной казны, организация зрелищ и т. п.). Следствием относительной консолидации свободного населения была античная рабовладельческая демократия.

К. Маркс, исследуя функции государства на Востоке, особо отмечал экономическую, которую оно осуществляло, по его словам, «с незапамятных времен»⁶. В частности, земледелие с использованием сложных ир-

⁴ См. Струве В. В. История древнего Востока. М., 1941, с. 169.

⁵ См. Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии в VII—VI вв. до н. э. (626—331 гг.). М., 1974, с. 390.

⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 132.

ригационных сооружений было не под силу отдельным сельским общинам. Координацию усилий множества таких общин в пределах всей страны и берет на себя древневосточное государство. Общинная система хозяйствования дополнялась восточной деспотией. Маркс подчеркивал, что «трудно представить себе более солидную основу для азиатского деспотизма и застоя»⁷.

Различия в экономической и политической структуре античных и древневосточных обществ повлекли за собой специфические особенности в их духовной жизни. Религия и жречество имели неодинаковое значение в двух основных регионах древнего мира. К. Маркс связывал положение религии в Греции и Риме с тем обстоятельством, что они «являются как раз странами наиболее высокого «исторического развития» среди народов древнего мира. Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, — писал Маркс, — высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра. В эпоху Перикла софисты, Сократ, которого можно назвать олицетворением философии, искусство и риторика вытеснили религию. Эпоха Александра была эпохой Аристотеля, который отверг и вечность «индивидуального» духа и бога позитивных религий. Тем более это верно по отношению к Риму! Читайте Цицерона! Философские учения Эпикура, стоиков или скептиков были религиями образованных римлян в тот именно период, когда Рим достиг вершины своего развития»⁸.

Иначе оценивал Маркс ситуацию в древневосточных государствах, которые в отличие от Греции и Рима не относились к числу стран, достигших высшего исторического развития в то время. По словам Маркса, «история Востока *принимает вид истории религий*»⁹.

Особенности в религиозной жизни античных и древневосточных обществ также в конечном счете были обусловлены различиями в их социально-экономических структурах.

Рабство как форма эксплуатации держалось на грубой силе, откровенном и ничем не прикрытом принуждении, а это исключало использование в сколько-нибудь значительных масштабах средств идеологического воздействия. Официальная религия в общем и целом была

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 229.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 98—99.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 214.

чужда рабам и оказывала влияние лишь на некоторые прослойки этого класса (их можно условно причислить «к рабской аристократии»). К ортодоксии были причастны представители рабов высокой квалификации, домашних рабов, рабов, занятых ремеслом, и т. п. Социальное положение этих групп рабов существенно отличалось от их основной массы.

Религиозное сознание рабовладельческого общества распадалось на две большие сферы: официальную, государственную религию, распространенную среди свободного (и полусвободного) населения (а также в виде исключения среди некоторых групп рабов, которые только что упоминались); различные религиозные культы среди рабов, которые были принесены из свободного состояния (класс рабов непрерывно пополнялся за счет работорговли и войн). Эти две сферы религиозного сознания в сущности не контактировали между собой.

Религия не являлась регулятором отношений между двумя основными классами общества — рабовладельцами и рабами, и ее социальные функции были поэтому ограничены. Религия воздействовала на неосновной класс общества — класс мелких производителей. Для этой социальной группы, эксплуатировавшейся крупными рабовладельцами и находившимся под их контролем государством, религия являлась сдерживающим фактором. Чем более значимой была роль этого класса в системе производства, а стало быть, и в социальной жизни вообще, тем большее влияние в обществе приобретали религия, жречество.

И все же именно религия свидетельствует о формационном единстве античного мира и древневосточных стран. Религия — эффективный социальный индикатор, позволяющий исследователю устанавливать, с какой формацией он имеет дело. Каждой формации соответствует вполне определенная форма религии. И, несмотря на то что любой формации свойственна не одна, а множество религий, имеющих индивидуальные признаки, в главном они все же сходны.

Вместе с социальной дифференциацией, появлением классовой структуры первоначальная форма религии, свойственная первобытности, начинает продуцировать политеистические культы. Совершается расслоение мира сверхъестественного, и из общей малорасчлененной массы духов выделяется привилегированный слой

сверхъестественных существ — боги. Где бы на земном шаре ни происходил процесс первоначального классового образования, он непременно сопровождается становлением многобожия.

После распада первобытного общества и торжества нового, рабовладельческого эта форма религии становится массовой и типичной. Естественно, что она обнаруживается там, где рабовладельческая формация была представлена в наиболее «чистом» и законченном виде, — в странах античности. Политеизм античности может считаться своего рода образцом, но и на древнем Востоке религия существовала в форме политеизма. Монотеистические тенденции в политеизме на Востоке, хотя иногда и обнаруживались (что было следствием засилья религии в социальной жизни), завершения не получили. Попытки установления монотеизма путем религиозного реформаторства, связанные с именами Аменхотепа IV (Эхнатона) в Египте и Зороастра (Спитама Заратустры) на Ближнем и Среднем Востоке, окончились неудачами. Самое большее, во что могли реализоваться монотеистические тенденции на древнем Востоке, — это национальный монотеизм, т. е. признание единого бога, опекающего данный народ, сочетающееся с верой в реальность богов, покровительствующих другим народам. Национальный монотеизм, таким образом, полностью с политеизмом не порывал. Именно таков монотеизм в древнееврейской религии последних веков до нашей эры, сложившийся в условиях весьма интенсивного (даже по меркам древнего Востока) воздействия религии на социальную жизнь.

Но все это не более как отдельные проблески монотеизма. В целом для древнего Востока, как и для античности, типичен политеизм.

Характерное свойство политеистических религий — их национальная принадлежность. Пантеон богов каждой религии покровительствует вполне определенной народности, в то же время эти боги враждебны или по крайней мере безразличны к другим народностям и их богам. «Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа, — писал Ф. Энгельс, — были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняемой ими национальной области, по ту сторону которых безраздельно правили другие боги»¹⁰.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 313.

Национальные культуры существовали даже в централизованных государствах древности, объединявших различные народы, будь то империя Александра Македонского, Римская держава, Ассирия времен Ашшурбанапала, или государство Ахеменидов.

Тесная связь религии с этносом — общий признак как античности, так и древнего Востока. Все эти религии относятся к категории «языческих».

Поскольку класс рабов пополнялся в основном не путем самовоспроизводства, а извне, то постоянные столкновения рабовладельческих государств за источники рабочей силы находили отзвук в религиозном сознании в виде резко выраженных националистических настроений. Еще более значимо было то обстоятельство, что презрительное отношение рабовладельцев к рабам как социальной группе распространялось и на те религии, которые были распространены в их среде. Рабовладельцы и рабы не составляли ни этнической, ни религиозной общности.

Учение о загробном мире — важная составная часть любой религии — и в античных обществах, и на древнем Востоке сводилось к следующему. Потустороннее существование, согласно религиозной версии той эпохи, повторяет земное. Вся социальная иерархия этого мира проецировалась в мир иной. Существование на том свете определялось не исполнением нравственных предписаний и норм в земной жизни, а социальным статусом умершего. Известная суженность социальной сферы официальной религии сказывалась и здесь.

Общность характерных черт религий в обоих основных регионах древнего мира, несомненно, является подтверждением того, что античные и древнеазиатские способы производства социально родственны, что они являются разновидностями одного и того же рабовладельческого способа производства.

Когда близилась гибель древнего мира, на развалинах множества национальных религий, античных и древневосточных, — древнегреческой, древнеримской, древнеегипетской, древнееврейской, древних религий, которые существовали на Индостане, в Китае, и т. д. — возникло всего пять новых — христианство, ислам, буддизм, иудаизм и индуизм.

Такое резкое сокращение религий в тогдашней цивилизованной ойкумене объясняется тем, что национальные

религии сменяются наднациональными. Некоторые из них становятся мировыми. Появление наднациональных религий — свидетельство перестройки всей духовной жизни, а значит, и ее материальной основы. Эти религии сопровождают общество в его движении к феодализму. Социальная группа, которая по своему статусу находилась как бы вне общественной жизни, не характерна для феодализма и, если кое-где сохраняется, то лишь в редуцированном виде. Препятствия, имевшиеся при распространении религии вширь, благодаря этому снимаются.

Религии, соответствующие феодализму в его наиболее последовательных проявлениях, явно тяготеют к монотеизму. Бог этих религий является уже не национальным, а универсальным. Единобожие не достигало успехов лишь там, где феодализм резко отклонялся от своей нормы, приобретал специфические особенности, сохранял и консервировал многие пережитки и традиции рабовладения и первобытности.

Меняются и представления о потустороннем мире. В религиях, пришедших на смену религиям древности, утрачивается взгляд на загробное существование как продолжающее земное. Эти религии устрашают верующего потусторонним возмездием и одновременно утешают его иллюзией лучшего будущего. Широко пропагандируются воззрения об аде и рае. Новые религии весьма эффективно и действенно осуществляют функции социального регулятора между основными классами общества.

Как социальный индикатор, религия не только выявляет социальное родство между античностью и древним Востоком, но и отделяет рабовладельческую формацию от феодальной: на грани между ними происходит подлинный переворот в религиозном сознании.

Прогрессивное развитие совершается в различных формах. Известный советский биолог А. Н. Северцов различал такие направления биологического прогресса, как ароморфоз и идиоадаптацию. Под ароморфозом он понимал тип биологического развития, ведущий к общему повышению уровня жизнедеятельности. В отличие от ароморфозов идиоадаптации — это всего лишь частные приспособления. «...Животные, вступившие на этот путь биологического прогресса, — писал Северцов, — в противоположность животным, эволюирующим путем аро-

морфозов, не поднимаются на более высокую ступень организации: в этом отношении они стоят не выше и не ниже своих предков»¹¹.

Отмеченные Северцовым закономерности имеют общий характер, они проявляются и в социальном мире. И здесь обнаруживаются две линии развития — одна ведет вверх, вследствие чего осуществляется переход к иной, более высокой социальной организации; другая идет в той же плоскости, сопровождается изменениями, которые совершенствуют и упорядочивают данный социальный организм, но не переводят его на следующий уровень. Иными словами, как и в процессе биологической эволюции, в рамках социального прогресса можно выделить отличные одна от другой формы развития — социальный ароморфоз и социальную идиоадаптацию.

Если рассматривать общество в целом, то переход от одной формации к другой, безусловно, является социальным ароморфозом. В рамках той или иной формации можно выявить оба эти типа развития.

Древний Восток эволюционировал, приспособлялся к меняющимся историческим условиям, но сохранял в общем все тот же недостаточно высокий уровень рабовладения. Его примерно трехтысячелетнее развитие — типичная социальная идиоадаптация. Но восточный мир явился, как это отмечал еще Гегель в «Философии истории», предшественником греческого¹² (хотя, разумеется, говорить о Востоке, когда еще не было Запада, можно лишь условно). Бурные социальные перемены на Балканском полуострове, близлежащих островах и западном побережье Малой Азии (в эгейском мире) вызвали к жизни новую фазу в истории рабовладельческой формации — античность. Все основные структуры рабовладельческого общества претерпели при этом значительную перестройку; дальнейшее социальное развитие происходило в античном мире уже на другом, более высоком уровне. Совершился социальный ароморфоз.

Обе фазы рабовладения длительное время существовали параллельно, оказывая взаимное влияние, но не утрачивая своей специфики. Преобладающим в конечном счете оказывалось воздействие высшей формы рабовладения на низшую. В период после походов Александра Македонского и позже, когда Римская держава

¹¹ Северцов А. Н. Собр. соч., т. 5. М.—Л., 1949, с. 216.

¹² См. Гегель. Сочинения, т. VIII. М.—Л., 1935, с. 212.

стала, по понятиям того времени, мировой, обширные районы древнего Востока (особенно Ближний Восток, Северная Африка) подвергались сильной эллинизации и романизации. Некоторые социальные структуры древневосточных обществ эволюционировали в направлении к высшей фазе рабовладения, хотя процесс этот так и не был завершен. Другая часть древневосточного региона, более удаленная от античного мира, продолжала развиваться по пути типичной идиоадаптации.

В настоящее время некоторые представители органического мира используются для моделирования технических объектов, появилась даже особая наука, занимающаяся таким моделированием, — бионика. Но сопоставления возможны не только между живой природой и техникой. В частности, те или иные явления в органической форме движения материи, достаточно хорошо изученные биологией, могут послужить наглядной моделью некоторых социальных явлений. Приведем здесь пример, поясняющий соотношение между недоразвитой и развитой формами в пределах одного и того же качественного состояния.

В Северной и Центральной Америке обитает около 30 видов хвостатых амфибий — амбистом. В неглубоких водоемах, которые хорошо прогреваются солнцем и бедны кислородом, личинки амбистом, аксолотли, вовремя завершают метаморфоз. Напротив, в глубоких водоемах, для которых характерны более низкие температуры и насыщенность кислородом, личинки хорошо растут, но так и не заканчивают цикл индивидуального развития. Аксолотли не уступают взрослым амбистомам в росте, они способны размножаться. Аксолотлей и амбистом легко принять за самостоятельные биологические виды (даже специалисты допускали такие ошибки). Но и в естественных условиях, и в эксперименте аксолотли оказываются в состоянии продолжить собственное развитие.

Античные общества не могут служить единственным мерилom рабовладения. Понятие рабовладельческой формации предполагает не только высшие формы рабства, но и другие его проявления. Именно благодаря разнообразию форм исторического существования рабовладельческая формация оказалась в состоянии освоить столь обширные пространства. И, несмотря на то что уровень рабовладения на Востоке был ниже, чем в ан-

тичном мире, рабовладельческая формация не была здесь настолько примитивной, чтобы воспрепятствовать появлению феодализма. В Китае, Индии и других странах, историческое развитие которых не только в древности, но и позже отличалось относительной обособленностью, переход к феодализму осуществлялся самостоятельно. Рабовладельческая формация здесь независимо от внешних воздействий породила феодализм¹³.

Деление социального мира на Запад и Восток намечалось, таким образом, еще в древности, а само понятие Востока, противопоставляющегося Западу, появляется впервые в античной Греции. Впоследствии различие между Востоком и Западом сохранялось: социальная дивергенция продолжалась и усиливалась. На феодальном Востоке были по-прежнему чрезвычайно устойчивы община в сфере социальной жизни и производства, деспотия в сфере политической. Вследствие этого традиционно сохранялись и некоторые другие элементы социальной структуры. Феодализму на Востоке, как и предшествовавшему ему рабовладению, свойственно уклоняться от «классических образцов»; для Запада они характерны. Социальные ароморфозы, как и прежде, непременная принадлежность Запада, а длительные социальные идиоадаптации — Востока. Идиоадаптации сглаживали, притупляли противоречия, свойственные обществу, совершенствовали социальный организм, но одновременно во многом лишали его стимулов дальнейшего развития.

Восток и Запад не были изолированы друг от друга. Отдельные области Востока выдвигались вперед и успешно конкурировали с Западом. На протяжении тысячелетий социальной истории, отличавшейся особенно устойчивой преемственностью, Восток создал великие цивилизации. Тем не менее общее отставание Востока, явственно обозначившееся на исходе средних веков, с точки зрения философии истории не было случайным явлением, не подготовленным предшествующим социальным развитием. В свою очередь это отставание Востока от Запада надолго повлияло на дальнейшие судьбы всемирной истории.

Восток и Запад — не единственный исторический результат социальной дивергенции. Дивергенция соверша-

¹³ См. *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977, с. 272.

лась также в пределах обоих этих обширных регионов, оказывая воздействие на менее значительные регионы, группы стран и отдельные страны.

Социальная дивергенция не имела, однако, безграничной сферы действия: она дополнялась интеграцией, обусловленной единством исторического процесса.

III. Промежуточные формы

Рассматривая прогрессивный ход истории, мы встречаемся с понятием «промежуточная социальная форма». Промежуточная форма не тождественна переходной: она статична, в то время как переходная — динамична. Промежуточные явления как бы застыли на какой-то стадии перехода от одного состояния к другому.

Они могут возникать на поздних стадиях существования старой формации, когда в ней уже появились, но еще не получили достаточного развития элементы новой, или при образовании новой формации, на стадии ее становления. Промежуточные формы всегда принадлежат к определенной формации, однако в них тесно переплетаются генетически неоднородные ингредиенты. Промежуточные формы проявляют устойчивость и способны просуществовать длительное время.

Промежуточной формой являлось древневосточное общество, основой которого был так называемый азиатский способ производства. Выделившись из первобытно-общинной формации, древневосточные социальные организмы остановились в своем развитии на первоначальной стадии рабовладельческого общества. Рабовладельческие социальные структуры включили в себя значительный блок разрушенной первобытнообщинной формации — систему сельских общин. Общество не эволюционировало к высшей стадии рабовладения и спустя тысячелетия все еще оставалось «на переходе» к ней. Переходная форма стала постоянной, она превратилась в промежуточную.

Промежуточные социальные образования имелись в прошлом в нашей стране у коренного населения Край-

него Севера и Дальнего Востока — у 26 малых народов. Малочисленные народы (каждый от нескольких сот до нескольких тысяч человек), рассредоточенные на обширных пространствах с неблагоприятными природными условиями, удаленные от основных центров цивилизации, они оказались на одной из окраин человечества. До Октябрьской революции весь их жизненный уклад отличался крайней архаичностью, отсталостью. Они находились на стадии перехода от первобытнообщинной формации к классовому обществу. Однако этот переход растянулся на многие сотни лет, так и не достигнув завершения.

Образовавшиеся в далеком прошлом у некоторых из этих народов элементы рабства не получили сколько-нибудь существенного развития. Рабство, спорадически возникавшее в результате военных столкновений, стало изживаться после присоединения территорий, населенных малыми народами Севера, к России. Следы рабства в XX столетии были обнаружены лишь у эвенков.

Социальное развитие малых народов в составе феодальной России способствовало появлению у них элементов феодальных отношений. Но и эти отношения остались в зародыше. Они существовали под покровом первобытнообщинных отношений и не смогли окрепнуть настолько, чтобы сложиться в особый уклад, способный разорвать или сбросить этот покров. Лишь в местах интенсивной колонизации и там, где возникли особенно тесные контакты с русским населением, первобытнообщинный уклад у малых народов Севера подвергся частичному разрушению¹.

В условиях Крайнего Севера при низком уровне производства невозможно было создать сколько-нибудь значительный прибавочный продукт, и это ограничивало сферу эксплуатации. Сложилась такая социальная структура, которая, будучи целостной, включала в себя генетически разнородные компоненты. В конце концов эта структура приобрела стабильность.

По аналогии с азиатским способом производства способ производства, получивший распространение среди малых народов, о которых шла речь, можно было бы назвать северным. Если первый был разновидностью рабовладельческого способа производства, то второй —

¹ См. *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955, с. 3—4, 135, 192—193.

первобытнообщинного. «Северный способ производства» функционировал там, где первобытнообщинный строй был осложнен элементами классового общества (рабовладельческими, которые были затем в основном утрачены, феодальными, а кое-где в новое время и капиталистическими).

Сложное социальное образование представляло собой во второй половине XIX — начале XX в. китайское общество. Феодализм в Китае проявлял большую прочность и не обнаруживал тенденций к деградации вплоть до середины XIX столетия. Однако во второй половине XIX в. под влиянием внешнего фактора — экспансии группы капиталистических держав Запада — наступил формационный кризис.

Экспорт капитализма в его развитых формах был лишь одной из причин формирования капиталистического уклада в стране. Надлом феодализма создал предпосылки для стихийного роста генетически ранних проявлений капитализма. Однако возникавшие вследствие этих двух процессов элементы капиталистического уклада не имели между собой устойчивых контактов. Рыхлому капиталистическому укладу успешно противостояли постоянно воспроизводившие себя традиционные общественные отношения и институты.

Китайская буржуазия — новый слой общества — еще и в начале XX в. представляла собой не органическое целое, а всего лишь совокупность разрозненных компонентов. Понятие «класс» применимо к этому незавершенному социальному образованию лишь условно².

В рамках продолжавшей свое существование феодальной формации капиталистическому укладу удалось завоевать известные исторические права. Но и феодальные отношения не были ни ликвидированы, ни изжиты. Феодальный уклад выстоял и преобладал количественно. В конце концов между обоими укладами установилось сосуществование. Образовался феодально-буржуазный симбиоз. Переходное явление приобрело признаки типично промежуточной формы. «...В Китае начала XX в., — пишет О. Е. Непомнин, — переходность носила характер не только и не столько процесса, сколько относительно устойчивого, исторически длительного состоя-

² См. *Непомнин О. Е.* Социально-экономическая история Китая. 1894—1914. М., 1980, с. 252.

ния»³. Своеобразное динамическое равновесие, существовавшее между различными общественно-экономическими укладами, впоследствии удалось нарушить лишь путем активных массовых действий в сфере надстройки.

IV. Классические образцы общественно-экономических формаций и так называемые идеальные общества

«Философских тетрадах» В. И. Ленин писал о соотношении общего и отдельного: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее... Всякое отдельное неполно входит в

общее...»¹

Применение этого положения диалектики к социальной жизни позволяет сделать вывод, что конкретные общества в разной мере воплощают в себе тот формационный тип, к которому они принадлежат. Некоторые из них содержат общее в сравнительно большей мере, чем остальные. Они могут рассматриваться поэтому как классические образцы формации.

Классические проявления свойственны не только формациям; они — принадлежность социального мира вообще. Принято говорить, например, о классических произведениях архитектуры, живописи, литературы и т. д., как о своего рода эталонах искусства, средоточии органически присущих ему качеств. В истории философии выделяют немецкую классическую философию, явившуюся наиболее важным философским источником марксизма. В марксистской науке употребляется термин классики марксизма-ленинизма — в их работах наиболее последовательно и глубоко были сформулированы исходные принципы нового мировоззрения.

³ Там же, с. 266.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

Различные формации имеют свои классические образцы.

В древнем мире таковыми являлись рабовладельческие Греция V—IV вв. до н. э. и Рим II—I вв. до н. э. Здесь рабовладение достигло своего апогея и социальные структуры освободились — насколько это вообще было возможно — от посторонних «примесей».

Высокоразвитыми феодальными государствами были западноевропейские. Но и среди этих стран средневековая Франция занимает особое место. Феодализм приобрел здесь наиболее завершенную форму, сделав Францию своего рода образчиком западноевропейского феодализма². Ф. Энгельс считал Францию средоточием феодализма в средние века³.

Дал истории классические образцы и капитализм. Образцовая страна феодализма — Франция стала впоследствии эталоном капитализма. Покончив с феодальным строем, она, по словам Ф. Энгельса, «основала чистое господство буржуазии», господство, отличавшееся совершенно исключительной, «классической ясностью»⁴.

Другой страной, в которой капитализм достиг зрелости, в XIX в. была Англия. Именно английский капитализм прежде всего анализировал К. Маркс в «Капитале». В предисловии к первому изданию I тома своего труда Маркс писал: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства... Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов»⁵.

С течением времени круг стран, могущих послужить представительными образцами капиталистической формации, расширился за счет стран Европы, а также некоторых других континентов.

Наряду с классическими образцами формаций истории известны и так называемые идеальные общества. При этом речь идет не о легендах о золотом веке и не о мечтах о прекрасном будущем. Имеются в виду реальности, общества, существовавшие в действительности и принадлежавшие к различным общественно-эко-

² См. История Франции в 3-х томах, т. 1. М., 1972, с. 69.

³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 259.

⁴ См. там же.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

номическим формациям. Отнесение их к числу идеальных с точки зрения философии истории, конечно, весьма условно.

Классические образцы и так называемые идеальные общества — далеко не одно и то же. Классические образцы достаточно отчетливо выражают сущность формации, «идеальные общества» обычно представляют собой специфические проявления ее. Первые находятся на магистральной дороге развития формации, вторые уклоняются в сторону от этой дороги. В одном случае отделяется от общего, в другом — к особенному. Классические образцы — на известной стадии своего существования — сравнительно легко порождают новое качественное состояние, «идеальные общества» «зарегулированы», воспроизводят все одни и те же социальные структуры, являют собой пример «дурной» бесконечности.

В древнем мире к «идеальным» можно отнести древнеегипетское общество. «Вследствие рациональности египетских учреждений древние считали Египет образцом нравственно урегулированного строя, приближавшегося к идеалу...»⁶, — писал Гегель.

Объединение Верхнего и Нижнего Египта в единое государство произошло примерно за три тысячелетия до н. э. И лишь в 30 г. до н. э. это государство прекратило свое существование, став после смерти Клеопатры VII, последней представительницы династии Птолемеев, римской провинцией. Ни одно государственное образование древности не имело столь продолжительной истории. Не известно, сколько еще просуществовало бы Египетское царство, если бы не разрушительное внешнее нашествие: никаких ростков нового, которые несли бы гибель древнеегипетскому обществу, к моменту его падения не было.

Основные слагаемые общества сколько-нибудь существенным образом не изменились. Сельская община, проявляя большую устойчивость, и в Птолемеевскую эпоху сохраняла свою прежнюю организацию⁷. Неизменной была деспотическая власть фараонов. Значительную роль во всей общественной жизни не утрачивало жречество. Религия, всегда чутко реагирующая на

⁶ Гегель. Сочинения, т. VIII, с. 192.

⁷ См. Струве В. В. Некоторые аспекты социального развития древнего Востока. — Вопросы истории, 1965, № 5, с. 104—105.

перемены в социальном строе, в истории древнего Египта оставалась качественно единообразной⁸.

Попытки верхов чрезмерно усилить нажим на социальные низы сопровождались катаклизмами. В конце Среднего царства (ок. 1750 г. до н. э.) движение, в которое включились крестьяне, ремесленники и рабы, привело к свержению царской власти и экспроприации господствующих классов. Совершившийся переворот был переворотом в буквальном смысле слова: часть низов поднялась наверх, а верхи были сброшены вниз. «Страна перевернулась подобно гончарному кругу», — свидетельствует один из современников событий. Но никаких изменений в системе общественных отношений не произошло. В результате подобных восстаний лишь несколько укреплялась общинная собственность и экономическое положение крестьян⁹. Социальный строй освобождался от некоторых деформаций, обновлялся и становился более жизнеспособным.

Сбалансированностью отличалась и структура институтов власти. Гипертрофирование одного из элементов политической надстройки наталкивалось на сопротивление внутри ее самой. После вспыхивавшей в недрах надстройки борьбы соотношение между ее частями оказывалось традиционным.

Фараон Нового царства, представитель 18-й династии Аменхотеп IV (конец XV — начало XIV в. до н. э.), стремясь ограничить чрезмерно усилившееся жречество, использовал против него религиозную реформу. Египетское многобожие заменялось поклонением единому богу Атону. Культы богов, в том числе Амона, признававшегося верховным богом страны, запрещались. Фараон сменил прежнее имя Аменхотеп («Амон покоится») на Эхнатон («блеск Атона») и, желая быть подальше от прежнего религиозного центра — храма Амона в Уасет (Фивах), отстроил новую столицу — Ахетатон («небосклон Атона»). Теперь уже резко усилилась власть фараона, а жречество, являвшееся всегда одной из влиятельнейших корпораций, напротив, ослабело. Однако и данная ситуация продолжалась недолго. При наследниках Эхнатона были восстановлены культы древнеегипетских богов, и жречество приобрело традиционное влияние.

⁸ См. Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976, с. 8.

⁹ См. Струве В. В. История древнего Востока, с. 167.

Ни один социальный организм не в состоянии, конечно, устранить внутренне присущие ему противоположности. Но противоречия между ними могут быть искусственно ослаблены, притуплены. Гегель, отмечая такие исторические периоды, которые являются «периодами гармонии», считал их «пустыми листами» во всемирной истории¹⁰. Гегель был излишне строг в оценке таких отрезков истории. В Египте, например, была создана цивилизация, которая и сейчас не оставляет равнодушными тех, кто знакомится с ее уцелевшими фрагментами. Но несомненно, что для обществ, о которых упоминает Гегель, характерны исключительная устойчивость, медленные темпы развития. Застойность — характерный признак так называемых идеальных состояний.

Около двух тысячелетий просуществовал феодализм в Китае. В течение этого срока он пережил в Европе свое становление и расцвет, сошел с исторической арены, был заменен капитализмом. В 1871 г. Парижская коммуна возвестила о начале эры социалистических революций. Между тем Китай по-прежнему переживал феодальную формацию.

Вплоть до середины XIX в., т. е. до экспансии Запада, перед страной вообще не стоял вопрос о смене формации. Повышенная внутренняя устойчивость феодализма и его зарегулированность лишали Китай возможности не только перейти к новой формации, но и достичь такой стадии феодализма, которая открывала бы перспективу иного формационного будущего¹¹. Китайский феодализм превратился в своего рода перпетуум-мобиле.

Европейцы наладили постоянные связи с Китаем в XVI в. В XVII—XVIII вв. стали появляться сочинения, рассказывающие об этой восточной стране, о ее общественном устройстве. В этих сочинениях, среди авторов которых были, в частности, и некоторые просветители XVIII столетия, Китай предстал перед европейскими читателями идеальным государством.

Просветители мечтали о том времени, когда их странами будут править философы, а в Китае к управлению страной философы (конфуцианцы) уже давно

¹⁰ См. Гегель. Сочинения, т. VIII, с. 26.

¹¹ См. *Непомнин О. Е.* Социально-экономическая история Китая. 1894—1914, с. 8.

были привлечены. Просветители боролись за то, чтобы люди могли продвигаться по социальной лестнице независимо от знатности и богатства — в Китае существовала система государственных экзаменов, открывавшая перед каждым, кто их выдерживал, именно такие возможности. Просветители развили теорию общественного договора, согласно которой народ, заключивший договор со своим правителем, был вправе его расторгнуть. По конфуцианскому учению, правящий император получает мандат Неба, которого он лишается, однако, в случае плохого правления. Этот постулат был провозглашен официально и нередко имел реальные последствия.

Вскоре выявились, однако, и те издержки, которые были прямым следствием этого «идеального» общественного устройства. В XVIII—XIX столетиях они привлекали к себе все большее внимание. И. Г. Гердер писал о том, что китайское общество «тысячелетиями топчется на одном месте»¹². Н. Г. Чернышевский оценивал общественное состояние в Китае как «состояние, довольствующееся приобретениями прошедшего и лишенное мысли об их усовершенствовании», и приходил к выводу, что в этой стране «нет прогресса»¹³. А. И. Герцен, связывая воедино достоинства и недостатки китайской цивилизации, подчеркивал, что «никакие колоссальные силы не помогут пробиться, если быт общественный так хорошо и прочно сложился...»¹⁴.

Одним из парадоксов истории феодального Китая было то, что многочисленные и мощные народные движения, направленные на свержение существующего режима, не только не приводили к смене феодальных порядков, но, напротив, освобождая общество от некоторых слишком явных пороков и злоупотреблений, способствовали стабилизации и упрочению феодальной формации, шлифовали ее, делали сравнительно более приемлемой для различных социальных групп.

В ходе народных восстаний возникали своеобразные государственные образования, которые принято называть крестьянскими царствами. Некоторые из них

¹² Гердер И. Г. Идси к философии истории человечества. М., 1977, с. 297.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах, т. V. М., 1950, с. 435.

¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XI. М., 1957, с. 228.

были эфемерны, другие существовали достаточно продолжительное время и охватывали обширные территории. Повстанцы выдвигали из своей среды императоров или царей, создавали собственную администрацию, которая соответствовала официальной, раздавали звания и титулы, повторявшие традиционно принятые в Китае¹⁵. В «крестьянских царствах» не мог существовать никакой другой социальный строй, кроме феодального, в одном из его вариантов.

Положение не менялось и в тех случаях, когда восставшие одерживали победы в государственном масштабе. Пожалуй, ни одна страна не знает стольких победоносных крестьянских восстаний, как Китай. Основателями некоторых царствовавших затем династий становились вожди повстанцев. Лю Бан основал династию Хань, Чжу Юаньчжан — Мин. Чжу Юаньчжан, ставший императором в 1368 г., любил подчеркивать, что он — выходец из народа. «Я крестьянин», «я простолудин», заявлял он¹⁶. Согласно завету Чжу Юаньчжана, его наследники — правители династии Мин должны были обязательно брать жен из крестьянских семей¹⁷.

Начало таких династий ознаменовывалось уступками крестьянам (отмена некоторых налогов, наказаний, укрепление крестьянского землевладения и т. д.). Но феодализм оставался непоколебленным. Происходило лишь обновление правящего класса: часть старых помещиков истреблялась или экспроприровалась во время восстания; их место занимали новые помещики, которыми становились руководители повстанцев.

В Китае произошло нечто подобное тому, о чем так мечтали экономисты, изображенные К. Марксом в «Нищете философии»: «Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, вдохновленные рыцарскими добродетелями, прекрасной гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием промышленности, организованной в корпорации, гильдии и цехи, словом, если бы они, вдохновленные

¹⁵ См. *Смолин Г. Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1974, с. 254—265.

¹⁶ См. *У. Хань.* Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980, с. 92, 107.

¹⁷ См. там же, с. 142—143.

всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачей устранить все то, что является теневой стороной этой картины, — крепостное состояние, привилегии, анархию, — то что бы из этого получилось? Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы пресечено в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю»¹⁸.

Между «классическими образцами», «идеальными» и «обычными» обществами нет абсолютно непреодолимых граней. Соотношение между общим, особенным и единичным может изменяться, и тогда одни типы общества превращаются в другие или совпадают с ними. В последнем случае классические образцы являются также и «идеальными» обществами.

Австралийские племена представляли собой классические образцы первобытного общества. Первобытно-общинная формация в Австралии не содержала не только укладов, чуждых первобытности, но и каких бы то ни было социальных «примесей». К моменту открытия континента европейцами и позже первобытно-общинная формация сохранялась в «чистом» виде. В исторической науке, археологии, этнографии принято обращаться именно к австралийскому материалу, когда нужно найти в различных явлениях первобытности их классическое воплощение¹⁹.

В то же время здесь сложились «идеальные» виды первобытного общества: в течение многих тысячелетий первобытнообщинные структуры воспроизводились вновь и вновь и в конце концов достигли известного совершенства, насколько это вообще было возможно в рамках данной формации. Перспективы формационной смены в обозримом будущем не существовало.

Классический образец, просуществовавший долгое время, пытается сгладить, смягчить свойственные ему противоречия, имеет тенденцию стать «идеальным» обществом (хотя далеко не всегда это осуществляется). И если классический образец, достигший зрелости, сравнительно легко переживает превращение в новое качественное состояние, то «перезрелый», сумевший в какой-то мере примирить противоположности,

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 143.

¹⁹ См. Народы Австралии и Океании. М., 1956, с. 25.

поддается переменам со значительно большими трудностями.

Во Франции, классической стране феодализма, господствующий класс уже к концу XV в. имел значительные утраты во всех сферах социальной жизни, включая экономику и политику, однако феодализм настолько укоренился, что для его сокрушения понадобилось еще триста лет²⁰. Немаловажная роль в его сохранении принадлежала, в частности, абсолютной монархии, которая, по словам Ф. Энгельса, удерживала «в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга...»²¹.

Классические буржуазные общества современности давно уже достигли той стадии развития, которая содержит необходимые предпосылки для перехода к социализму. К. Маркс и Ф. Энгельс во второй половине XIX в. считали, что в Западной Европе в самом недалеком будущем возможны социалистические революции. В 1871 г. в результате такой революции возникла просуществовавшая 72 дня Парижская коммуна. Впоследствии, однако, произошла известная стабилизация капитализма на Западе, и социалистические революции здесь стали более проблематичными. Как свидетельствуют реальные события, в XX в. социалистические революции имели больше шансов на победу в странах не столь высоко развитого капитализма. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанной и опубликованной в 1920 г., В. И. Ленин предупреждал против излишнего и неоправданного оптимизма в отношении перспектив социализма на Западе, подчеркивая, что «начать социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам», хотя «продолжать ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам»²².

История подтвердила правомерность Октябрьской революции и несостоятельность меньшевизма, призывавшего дожидаться дозревания капитализма в России.

Уклонение в сторону известных уже истории общественных состояний, условно называемых идеальными, неизбежно придает и современным капиталистическим обществам характер застойности.

²⁰ См. История Франции в 3-х томах, т. 1, с. 150.

²¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 172.

²² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 47—48.

V. Развитие, минуящее некоторые формации

е все варианты социального развития насчитывают пять общественно-экономических формаций. Некоторые из них обошлись без одной, двух, а то и трех формаций.

Социальному развитию не удавалось миновать лишь одну формацию — первобытнообщинную. Это — стадия, на которой сформировалось человечество, и рубеж, с которого началось социальное движение. Само собой понятно, что, не будь первобытнообщинной формации, не было бы и истории вообще.

Результат исторического развития — коммунистическая формация. В коммунистическую формацию вступила лишь группа стран; все они находятся на стадии социализма. Но ареал коммунистической формации расширяется; она постепенно эволюционирует от низшей своей фазы к высшей. Коммунистическая формация — будущее всего человечества.

Те или иные формации, расположенные между первобытнообщинной и коммунистической, некоторыми социальными общностями не проходились. Исторические пути этих социальных общностей «спрямлялись». Но такие возможности появлялись лишь тогда, когда формация, расстояние до которой укорачивалось, уже существовала. Формация, достигнутая на «столбовой дорожке» истории, служила своего рода маяком для тех социальных общностей, которые в данный исторический период оказывались отставшими.

После того как в Римской империи рабовладельческий строй уступил место феодальному и на значительной территории Европы стала функционировать новая формация, она оказала в высшей степени каталитическое воздействие на многие племена и народы.

Римское рабовладельческое государство издавна было теснейшим образом связано со своим окружением. Поскольку класс рабов — основная часть трудящегося населения в развитом рабовладельческом обществе — пополнялся извне (из-за невыгодности воспроизводства класса рабов внутри общества), Римское государство и его первобытнообщинное окружение со-

ставляли экономическое единство. «...Высокий уровень развития производства в одном рабовладельческом государстве, — писал С. Д. Сказкин, — сопровождался расхищением трудовых ресурсов покоренных стран, лишавшихся помимо богатств также и значительной части работоспособного населения. Следовательно, высокое развитие рабовладельческого производства в одних странах препятствовало одновременному развитию высших форм рабовладельческого хозяйства в тех странах, откуда первые черпали рабов. Невозможен был высокий уровень рабовладельческого способа производства и в тех странах, которые по различным причинам лишены были возможности систематически импортировать массы рабов. Все это объясняет невозможность одновременного существования одних лишь рабовладельческих государств с развитым рабовладельческим производством»¹.

Экспансия, органически свойственная древнему Риму как рабовладельческому государству, сопровождалась включением многих окружающих стран в его состав. Первобытнообщинная периферия переживала социальную трансформацию, прежние общественные отношения уступали свое место рабовладельческим. Но первобытнообщинные территории за границами рабовладельческой державы продолжали оставаться существенным фактором самого ее существования. Воздействие древнего Рима ощущалось далеко за его пределами.

Феодальные отношения начали формироваться в тех областях империи, где существовал рабовладельческий строй. Однако вскоре социальные сдвиги, совершавшиеся в этих областях, отразились и на обширной первобытнообщинной периферии империи. Процесс феодализации распространяется на племена, подвластные Риму. И если прежде здесь находили благоприятные условия для своего развития рабовладельческие отношения, то отныне разложение первобытнообщинного строя у этих племен приводит к становлению раннефеодальных отношений².

Постепенная феодализация империи открыла путь в феодализм и перед той частью первобытнообщинного

¹ Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973, с. 268.

² См. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 50.

окружения, которая находилась в сфере римского воздействия. Это воздействие не было в каждом конкретном случае непосредственным. Импульсы шли и через передаточные инстанции. Феодализм, появившись в империи, вызвал в обширной части первобытнообщинного мира «цепную реакцию»

Аналогичные процессы совершались и на Востоке. После появления феодальной формации в Китае ее ареал увеличивается за счет сопредельных с ним и зависящих от него стран, которые, минуя рабовладельческую формацию, перешли от первобытнообщинной непосредственно к феодализму. Когда на Востоке установилась в ряде мест система феодализма, она, как и на Западе, стала региональной, включила в себя и те народы, которые «планомерным порядком», через рабовладельческую формацию, к феодализму не подошли³.

Можно говорить, следовательно, о нерабовладельческом пути социального развития, — пути, ведущем от первобытнообщинной формации прямо к феодальной.

В противоположность этому путь, который пролегал бы от рабовладельческой формации непосредственно к капиталистической (нефеодальной), в истории не выражен сколько-нибудь отчетливо.

В эпоху развития капитализма зрелых форм рабства (подобных античным) не существовало. Воздействуя на некоторые отставшие в историческом отношении страны и регионы, где сохранялись еще рабовладельческие структуры, капитализм не способствовал их «дозреванию», трансформации к буржуазному строю. Рабовладельческие структуры при этом просто разрушались, и их место занимали капиталистические структуры, внешние по своему происхождению.

Если переход от первобытнообщинной формации к феодализму совершался в основном стихийно (хотя элементы сознательного подражания и имели место), то социальное движение, исключаящее капитализм, потребовало теоретического осмысления, создания концепций, анализирующих этот путь развития.

Вопрос о возможности некапиталистического пути впервые был поставлен в России. Идейные предпосылки его рассмотрения были созданы полемикой о будущем страны, которая возникла между западниками и славянофилами. Западникам было свойственно пред-

³ См. Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974, с. 330.

ставление, что Россия должна повторить тот путь, который к этому времени был уже пройден передовыми странами; славянофилы полагали, что, наоборот, этого нужно избежать.

Пытаясь обосновать возможность для России иного пути развития, славянофилы обратили внимание на существовавшую здесь сельскую общину. Они были уверены, что это основной структурный элемент всей социальной жизни русского народа, залог ее самобытности. Свой идеал общественного устройства они искали в прошлом, в русской истории. Противопоставление Московского царства (идеализированного ими) Российской империи ставило их в оппозицию к этой последней. Славянофилы подвергали критике внутреннюю политику Российского государства, рассматривали крепостное право как одну из социальных язв, от которых необходимо исцелить страну. Славянофилы, по словам А. И. Герцена, разделяли «глубокое чувство отчуждения от официальной России»⁴, свойственное и другим оппозиционным группам, существовавшим в стране, в том числе западникам, к которым какое-то время принадлежал Герцен.

«У них и у нас, — писал он, — запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*»⁵.

Герцен участвовал в полемике со славянофилами сначала как представитель группы западников, а после ее распада (она разделилась на революционных демократов и либералов) как революционный демократ. Справедливо критикуя славянофилов за туманность их позитивной программы, идеализацию быта и нравов русского народа, крайности, допускавшиеся ими в стремлении пробудить национальное самосознание (они, например, одевались столь «национально», что на улицах их принимали за иностранцев), выступая против их обращения к православию, Герцен тем не менее не отвергал полностью все положения их учения.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. IX. М., 1956, с. 36.

⁵ Там же, с. 170.

Славянофильские рассуждения об общине нашли свое продолжение в произведениях Герцена. Он использовал также некоторые новейшие исследования русской сельской общины, в частности книгу А. Гакстгаузена «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Герцен делает вывод: Россия не обязательно должна претерпеть все фазы европейского развития; община позволит России сразу вступить в социализм. По мнению Герцена, благодаря общине Россия в середине XIX в. оказалась даже едва ли не ближе к социализму, чем Западная Европа: «...то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, мы идем навстречу социализму...»⁶ Во многом утопичная, концепция Герцена тем не менее создавала предпосылки для дальнейших теоретических поисков.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX столетия в России сложилась революционная ситуация. И правящие круги, и оппозиционные группы, в том числе революционные демократы, — разумеется с разными чувствами — ожидали революционного взрыва.

В эти годы с изложением своей программы о будущем страны выступил Н. Г. Чернышевский.

Он, как и Герцен, считал, что Россия, минуя капитализм, может сразу стать на такой путь развития, который приведет ее к социализму. Чернышевский также при этом выделял роль общины. Но Чернышевский не идеализировал ее. По его мнению, община не может являться предметом национальной гордости, так как она — архаизм. И у исторически более развитых народов когда-то существовало общинное начало, но впоследствии оно было разрушено отношениями собственности. Все же, поскольку русская община сохранилась, она может послужить отправным пунктом при формировании отношений, свободных от эксплуатации и угнетения. Опираясь на некоторые положения диалектики, установленные немецкой классической философией, которым он стремился дать материалистическое истолкование, Чернышевский развивал идею о том, что «обстоятельства, благоприятные ходу процесса в данное время и в данном месте, могут в действительности приводить его к высокой

⁶ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. VI. М., 1955, с. 204.

степени развития, совершенно минуя средние моменты или по крайней мере чрезвычайно сокращая их продолжительность и лишая их всякой ощутительной интенсивности»⁷.

Но миновать отдельные этапы социального развития отставший народ способен лишь в том случае, когда у него имеются передовые соседи. Чернышевский исключал возможность перехода России в середине XIX в. к социализму только за счет ее собственных сил: революционный переворот в России создал бы предпосылки для перехода к социализму, если бы передовые страны Запада стали социалистическими.

Чернышевский иначе, чем Герцен, оценивал ситуацию в Западной Европе. Он не был склонен к историческому пессимизму, распространившемуся в некоторых кругах европейской общественности после неудачных революций 1848 и 1849 гг. и затронувшему Герцена. Трудности, с которыми столкнулось социалистическое движение, Чернышевский рассматривал как временные и преходящие. Он подчеркивал, что с увеличением производства растет число рабочих, они становятся все более просвещенными. «Не ясно ли,— ставил вопрос Чернышевский,— что они приобретают силу предъявить свои требования с большей настойчивостью, с большей расчетливостью, следовательно, с большим успехом? Не ясно ли, что победы старого порядка вещей над ними могут быть только мимолетными задержками окончательного торжества новых экономических интересов?»⁸

Демократическая революция в России, на которую рассчитывали революционные демократы, не осуществилась. Крестьянские восстания, происходившие в различных районах страны, были подавлены.

Революционная ситуация вновь возникла в России на рубеже 70—80-х годов. В это время в стране действовало народничество, представлявшее собой позднюю стадию революционной демократии. Революционные народники первоначально осуществляли пропагандистскую работу, предприняли «хождение в народ», а затем вели вооруженную борьбу с правительством.

Народники признавали А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского своими учителями. Они разделяли их идеи о

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах, т. V, с. 379.

⁸ Там же, с. 395.

возможности для России вступить в социализм, минуя стадию капитализма. Несмотря на то что капиталистическая формация, сложившаяся в России в начале 60-х годов, делала несомненные успехи, народники пытались отстоять иной, альтернативный вариант социального развития.

За пробуждающейся Россией внимательно следили К. Маркс и Ф. Энгельс. Ими были изучены многие материалы, дающие представление о том, что совершалось в этой стране; основоположники марксизма были лично знакомы с некоторыми видными деятелями русского освободительного движения; они постоянно получали корреспонденции из России. Особенно высоко Маркс и Энгельс ценили работы Н. Г. Чернышевского. Его имя неоднократно упоминается ими и в переписке, и в публикациях. Маркс указывал, что труды Чернышевского «делают действительную честь России. . .»⁹.

К концепции о возможности некапиталистического пути развития Маркс и Энгельс пришли в 70-х годах в связи с анализом русских источников, изучением идей, выдвигавшихся идеологами русского освободительного движения, а также стимулирующим воздействием прямых обращений русских социалистов и революционеров, которых интересовало мнение автора «Капитала» о будущем России¹⁰.

Маркс и Энгельс считали, что «если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹¹. В письме, направленном редакции журнала «Отечественные записки», Маркс отмечал альтернативные возможности социального будущего России: «Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 428.

¹⁰ См. Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975, с. 361, 365.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»¹².

Революционная ситуация конца 70-х — начала 80-х годов не завершилась социальным переворотом, и Россия окончательно утвердилась на капиталистическом пути, о возможности которого писали не только основоположники марксизма, но также деятели русского освободительного движения, в том числе А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский.

Быстрая смена обстановки вызвала кризис народничества. Его традиционные воззрения о том, что Россия может обойтись без капитализма, становятся все более архаичными. Преодоление народнических иллюзий стало одной из предпосылок дальнейших успехов революционного движения в России.

Несмотря на то что некапиталистический путь развития в условиях российской действительности XIX в. осуществлен не был, концепция о возможности достижения социализма, минуя капитализм, имела большую теоретическую и практическую значимость. Эта концепция была полностью подтверждена в XX столетии переходом к социализму ряда народов бывшей царской России после Октябрьской революции и Монголии после народной революции 1921 г. Некапиталистический путь избран ныне некоторыми развивающимися государствами.

Для малых народов Севера нашей страны исходными для продвижения к социализму явились первобытнообщинные отношения или промежуточные социальные структуры, не вышедшие все же за пределы первобытнообщинной формации (о них шла речь выше). В ходе своего социального развития эти народы миновали все формационные фазисы классово антагонистического общества. В будущем такой путь не исключен также для других народов, социальные отношения которых отличаются крайней архаичностью.

Историческая практика доказала правильность положения о том, что движение к социализму, минуя формуации (одну или несколько), возможно и осуществимо лишь при поддержке стран, уже вступивших на путь социалистического строительства. Ныне гарантом успешности ускоренного движения отставших социальных общностей к социализму является мировая система социалистических государств. Только в единстве со страна-

¹² Там же, с. 119.

ми социализма развивающиеся страны, избравшие своей целью социализм, способны добиваться позитивных результатов. Напротив, разрыв с мировой системой социализма приводит к скорой потере социальных завоеваний, достигнутых в процессе социалистической ориентации.

VI. Прогресс в рамках всемирно- исторического процесса

История как наука распадается на два больших раздела — историю отдельных стран и народов и всемирную историю. В ходе развития научного знания локальные истории дополнялись рассмотрением исторического процесса в его единстве и многообразии. Всемирная история — не просто совокупность, механическое соединение отдельных историй. Для нее важно выявить взаимосвязи, существующие между различными социальными организациями. Иногда говорят о всеобщей истории — это означает, что исследуется всемирная история, но за исключением истории той страны, к которой принадлежит данный историк или данная историческая школа: истории собственной страны всегда уделяется особое внимание. Но, даже изучая собственную страну, следует соблюдать объективность. Об этом писали уже историки прошлого. И. Г. Гердер в своем сочинении «Идеи к философии истории человечества», опубликованном в 1784—1791 гг., подчеркивал, что «историк человечества должен остерегаться одного: ни одно племя людей не должно пользоваться его преимущественной любовью...»¹. Действительно, если не соблюдается это условие, история той или иной страны неизбежно приобретает искаженный вид. Она будет напоминать птолемеевскую геоцентрическую картину мира. Как некогда Вселенная изображалась вращающейся вокруг Земли, так и всемирная история выглядит совершающейся во имя и во славу одной-единственной страны.

¹ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества, с. 476—477.

Оценить место и роль того или иного значительного исторического явления можно лишь в контексте всемирной истории. Н. И. Конрад, рассматривая некоторые общие вопросы истории средневековья, писал о том, что всемирная история должна смотреть на события средних веков не с какой-либо одной, «той» или «этой», стороны, а как бы сверху, что ее задача состоит в том, чтобы раскрыть историю каждого народа в общем историческом процессе². Эти принципы, разумеется, сохраняют свою верность и при подходе к другим эпохам всемирной истории, к всемирной истории в целом.

Говоря о единстве всемирной истории, необходимо остановиться на так называемых социальных эстафетах.

Всем хорошо известны эстафеты бегунов, пловцов, лыжников. Участник, прошедший свой участок пути, сменяется другим, который и продолжает соревнование.

В социальной эстафете та или иная социальная общность передает свои достижения другой социальной общности. Как социальную эстафету, само собой разумеется, можно рассматривать унаследование какой-либо формацией производственных и культурных завоеваний своей предшественницы, хотя новая формация и отрицает старую.

Эстафеты возможны и между некоторыми социальными организмами. Особенно важно установить передачу «эстафетной палочки» такими социальными организмами, которые являются ведущими на данном этапе всемирной истории (или по крайней мере истории большого региона), — переход лидирующего положения от них к другим социальным организмам.

Отметим одну из таких эстафет.

Еще древнегреческие историки обратили внимание на то значительное воздействие, которое было оказано на Грецию Египтом, его материальной и духовной культурой, включая законодательство, науку, философию, искусство. Впоследствии, опираясь на достижения своих предшественников, древнегреческие полисы развили собственную самобытную культуру, ставшую новым значительным явлением в мировой истории. Войдя затем в состав более обширного античного образования, Римского государства, Греция дала дополнительные стимулы его развитию. Римская культура стала прямой наследницей греческой.

² См. Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972, с. 98—100.

Преемниками древнего Рима были государства, образовавшиеся на развалинах империи. В ряде мест Европы в течение длительного времени ощущалось подспудное влияние римского наследия. И. Г. Гердер считал, что одна из причин отставания народов, населявших Восточную Европу, от их западноевропейских соседей — большая удаленность от Рима³. Историческая традиция, шедшая от древнего Рима, была воспринята прежде всего западноевропейскими странами.

Правда, и Восточная Европа испытала античное воздействие. Оно исходило от Византии — государства, возникшего из восточной части Римской империи. Разнообразные контакты длительное время существовали между Византией и Русью. Связи между двумя странами давали о себе знать в сфере экономики и культуры, государственного строительства. Естественно, в этих взаимосвязях основной поток импульсов шел со стороны Византии.

Византия и Русь образовали религиозную общность, являвшуюся важным фактором единения в средние века. Это произошло после принятия Киевской Русью обособлявшейся восточной ветви христианства — официальной религии Византийской империи.

Известную роль в выборе новой религии, призванной заменить язычество, которое уже устарело и не соответствовало начавшейся феодализации Руси, а следовательно, и в ориентации на Византию принадлежала киевскому князю Владимиру и его ближайшему окружению. В «Повести временных лет» содержится сообщение о том, как было принято решение в пользу формирующегося православия. В летописи рассказывается, что Владимир делал выбор между следующими религиями: исламом, иудаизмом, христианством восточного и западного толков. Они уже получили распространение в соседних государствах — соответственно в Волжской Болгарии, Хазарии, Византии и странах Западной Европы. Красочностью богослужения в конце концов расположила киевского князя в свою пользу византийская религия⁴.

В действительности избрание новой религии было в значительной мере predetermined. Христианство уже

³ См. Гердер И. Г. Иден к философии истории человечества, с. 470.

⁴ См. Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, с. 63—69.

стихийно проникло на территорию Киевской Руси и завоевывало себе все новых приверженцев. Последователи христианской религии были не только среди горожан, но также среди дружинников и других близких к князю людей. Была христианкой одна из предшественниц Владимира на киевском престоле, княгиня Ольга. Недавно сложившееся государство заметно тяготело к Византии. В то же время имели известные шансы и другие религии, в частности западная ветвь христианства. Решение князя превратило одну из имевшихся тенденций в государственную-правовую норму.

В советской научной литературе решение Владимира Святославовича о принятии христианства в его восточной интерпретации рассматривается как глубоко продуманный акт «дальновидного русского князя»⁵. Христианизация Руси укрепила положение феодальных верхов, открыла перед княжеской дипломатией новые возможности, подняла международный авторитет государства, позволила стране приобщиться к культурным традициям Византии. Престиж Византии в Русском государстве на протяжении нескольких веков был высок. После гибели Византии под ударами Османского государства правители Руси стали утверждать, что возглавляемая ими страна является прямой наследницей Византии. Это нашло отражение в концепции третьего Рима, которым была объявлена Москва (вторым Римом признавался Константинополь).

Как бы ни был дальновиден князь Владимир, он не мог все же предвидеть отдаленных последствий обращения к восточному христианству и ориентации на Византию. Византийское государство, находившееся в X в. в стадии расцвета, вскоре пошло под уклон. Феодальные отношения так и не достигли здесь полной зрелости, процесс феодализации остался незавершенным, феодальные структуры окончательно не были оформлены. Византия, имевшая первоначально социальное превосходство над другими европейскими странами, в конце XII столетия утрачивает это превосходство, которое отныне переходит к странам Западной Европы⁶. Начинает отставать от западноевропейской и византийской культура. Когда культура в Западной Европе переживала Ре-

⁵ См. История Византии в 3-х томах, т. 2. М., 1967, с. 236.

⁶ См. История Византии в 3-х томах, т. 3. М., 1967, с. 103, 108, 309.

нессанс, византийская по-прежнему оставалась типично средневековой.

Между тем православие связывало Россию с дряхлеющей Византией и как труднопреодолимый барьер отделяло ее от развивающихся стран Западной Европы. Россия, считал П. Я. Чаадаев, замкнулась в своем «религиозном обособлении»⁷. В работах русских мыслителей XIX в., в которых шла речь о русской истории, о единении с Византией, сказано немало горьких слов. Само понятие «византийство» становится синонимом косности и застоя.

Таким образом, не все социальные эстафеты бывают вполне удачными.

Социальные эстафеты — это вертикальные, временные связи в мировой истории. Они пересекаются со связями горизонтальными, пространственными. Собственно, и передача эстафеты не единовременный акт, а процесс, длящийся во времени, включающий в себя сосуществование и взаимодействие различных социальных организмов. Исторический прогресс определяется не только историческим наследием, но и взаимным обменом достижениями между народами и странами, действующими на международной арене в одно и то же время.

Взаимодействие между различными социальными организациями давало, например, ощутимый эффект в истории Европы (несмотря на постоянные коллизии между европейскими странами), породив такой феномен, как европейская культура. По образному высказыванию В. Г. Белинского, европейские народы «столпились на пространстве, недостаточном для их многолюдства, и беспрестанно, так сказать, ударялись друг о друга, как сталь о кремень, чтобы извлекать из себя искры высшей жизни»⁸.

Тесные взаимосвязи между группами социальных организмов создают регионы. Но и регионы не существуют изолированно друг от друга. Исторический процесс постепенно все более соединяет не только отдельные социальные организмы, но и целые регионы. Единство человечества объективно все более усиливается и субъективно все более осознается. В новое время «во все большей степени история становится всемирной историей»⁹.

⁷ См. Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, т. II. М., 1914, с. 118.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, с. 128—129.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45.

В XIX столетии складывается мировая система капитализма. И хотя она была (и остается в настоящее время) внутренне крайне противоречивой (составляющие ее социальные организмы антагонистичны по отношению друг к другу), буржуазный способ производства все же оказал мощное воздействие на окружающий мир. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что в XIX в. буржуазия «под страхом гибели заставляет... все нации принять буржуазный способ производства...»¹⁰.

Один из примеров тому: — Россия.

К середине XIX в. в остававшейся феодальной стране был уже буржуазный уклад. Россия постепенно эволюционировала к капитализму; в ней крепили силы, заинтересованные в смене способа производства. Наряду с расчетами на постепенное перерождение социального строя дают о себе знать попытки радикально изменить ситуацию.

В. И. Ленин выделял в освободительном движении России этап, который обозначал как дворянский и к выдающимся деятелям которого причислял декабристов. Дворянские революционеры — декабристы являлись дворянами по своей классовой и сословной принадлежности, но были носителями антифеодальной тенденции. Основное содержание их программы — ниспровержение самодержавия и упразднение крепостничества — объективно открывало перед Россией путь в капитализм.

14 декабря 1825 г. на Петровской площади Петербурга феодальные структуры были испытаны на прочность, и, хотя они выстояли, угроза им была вполне реальной. По словам одного генерала, находившегося в этот день рядом с только что провозгласившим себя императором Николаем I, «у государя... душа была в пятках»¹¹.

Крестьянство России так и не примирилось со своим закрепощением. В XVII—XVIII вв. с интервалами всего в несколько десятилетий произошли четыре грандиозные по своим масштабам крестьянские войны. И хотя в XIX столетии Россия таких войн не знала, призрак пятой крестьянской войны, новой «пугачевщины», постоянно тревожил правящие верхи. Крестьянские восстания вспыхивали в различных местах страны и, «возрастая с

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.

¹¹ См. Давыдов Д. Сочинения. М., 1962, с. 509.

каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»¹².

Постепенно назревавшая необходимость смены способа производства и перехода к иной формации была стимулирована внешним воздействием. Начавшаяся осенью 1853 г. Крымская война показала непригодность существовавших в стране порядков, невозможность сохранения независимости государства со столь архаичным социальным строем в длительной конфронтации с капиталистическими державами Запада.

Внешние факторы обострили положение в стране. В конце 50-х — начале 60-х годов в России возникает революционная ситуация. Правительство поспешило с осуществлением преобразований, буржуазных по своему характеру. Движение к капитализму было ускорено, и в 1861 г. феодальная формация в России перестала существовать.

Переплетение внешних факторов развития с внутренними, их диалектическое взаимодействие типичны для всемирной истории. Если же условий для восприятия внешних воздействий нет, стимулирования социальных процессов не происходит, развитие социального организма не ускоряется.

Та или иная страна на различных этапах истории может оказывать различное, иногда противоположное воздействие на некоторые другие страны, играть положительную или отрицательную роль в мировой истории.

В XIII в. само существование Руси оказалось весьма благотворным для остальной Европы. Полчища Батыя, одержав в 1237—1240 гг. победу над русскими княжествами, понесли, однако, в борьбе с ними слишком большие потери и не смогли уже достаточно успешно действовать на территориях, расположенных западнее русских земель. Русь, издавна являвшаяся заслоном Европы от кочевников, и на этот раз спасла ее от разрушительного нашествия.

Позитивная значимость Руси для одного из ведущих регионов мира, а следовательно, и для всемирной истории несомненна и впоследствии. Образование русского централизованного государства, если рассматривать это явление в контексте общей истории региона, имело немаловажные последствия для ускоренного развития стран

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

Западной и Центральной Европы — на востоке континента возникла мощная преграда для кочевников с востока ¹³.

Совсем иначе следует оценить ту роль, которую выполняла Россия в жизни Европы в XIX столетии. Ф. Энгельс писал о том, что Российская империя стала главным оплотом и резервом европейской реакции, что она задерживает и нарушает нормальный ход европейского развития ¹⁴. Обращая внимание на то отрицательное воздействие, которое оказывает царская Россия на европейское революционное движение, Энгельс, в частности, отмечал: «Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока поблизости существует современное российское государство» ¹⁵.

Однако во второй половине века положение в России начинает меняться. Рушится феодальная формация. В течение непродолжительного времени страна переживает две революционные ситуации. Несмотря на их неудачный исход, революционное движение продолжает крепнуть. К. Маркс приходит к выводу, что Россия «тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» ¹⁶. Основоположники марксизма считают, что демократическая революция в России, возможно, предвдварит социалистическую революцию в Западной Европе.

К началу XX в. центр революционного движения перемещается из Западной Европы в Россию. Великая Октябрьская социалистическая революция стала событием международного значения. Влияние Советской страны на прогрессивные изменения, совершающиеся в мире, ныне неоспоримо и общепризнанно.

¹³ См. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 59—60.

¹⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 13.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 567.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 428.

VII. В несходных условиях — разный результат

обытия, близкие не только по основным признакам, но и в деталях, которые, казалось бы, должны были сыграть идентичную роль в мировой истории и заслуживать одинаковой оценки, в действительности нередко оказываются весьма неоднозначными. Для историков прошлого и современных историков, не владеющих научной методологией, такие события — настоящий камень преткновения. Нередко события, имевшие — в обширной исторической перспективе — прямо противоположные следствия, отождествлялись; прогрессивные и реакционные явления смешивались.

В эту проблему лишь марксизм смог внести полную методологическую ясность (хотя применение марксистской методологии к анализу конкретных исторических ситуаций не устраняет, само собой разумеется, естественных трудностей исследования). Лишь рассмотрение того или иного события во взаимосвязи с другими, которые в совокупности своей образуют его социальную среду, позволяет определить его характер и роль в истории общества. Именно так объяснял К. Маркс те парадоксы всемирной истории, когда «события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам»¹.

В ряде работ основоположников марксизма рассматривалась проблема абсолютизма. В них было показано, что абсолютизм на какое-то время становился цивилизующим центром, объединяющим началом общества, что его политика противопоставления друг другу дворянского сословия и буржуазии содействовала более успешному, чем это было прежде, развитию капиталистических отношений.

Таким был прежде всего абсолютизм во Франции. Развитие его по нисходящей линии наметилось лишь в конце XVII — начале XVIII в., когда он стал все более превращаться в покровителя феодальной реакции².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 121.

² См. История Франции в 3-х томах, т. 1, с. 260, 309.

В некоторых же странах Европы абсолютизм вообще никогда не был фактором прогресса. Появившийся здесь в то время, когда формирующаяся буржуазия была еще настолько слаба, что использовать ее как противовес дворянскому сословию просто не имело смысла, абсолютизм приобретал другие функции. Он был призван подавлять любое противодействие традиционному феодализму, будь то буржуазная оппозиция или народные движения. В этой связи К. Маркс писал об испанском абсолютизме: «...абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления»³.

Ничего общего по своей исторической значимости не имел с французским и российский абсолютизм, хотя сходство в их внешних проявлениях несомненно. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, изображая царствование Ивана IV, вспоминал о Людовике XI. «...Людовик XI был христианин,— писал русский историк,— не уступая Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коими они хотели загладить свои беззакония...»⁴ Обоих монархов, которые стояли у истоков абсолютизма, французского и российского, Карамзин уподоблял азиатским и древнеримским деспотам.

Впоследствии Иван IV находил оправдание в работах ряда историков, в том числе и советских, как один из основоположников российского абсолютизма. Абсолютизм, являющийся новой формой государственности, создающий относительно благоприятные условия для развития нового общественно-экономического уклада, стоил, по их убеждению, тех средств, которые были употреблены для его утверждения. Со всем этим можно было бы согласиться, равно как и с тем, что деспотизм и самодурство — неотъемлемые свойства любой формы правления, основанной на самовласти. Дело в том, однако, что российский абсолютизм не имел того исторического содержания, которое было свойственно некоторым другим проявлениям абсолютизма, не может быть идентифицирован с ними и, естественно, не под-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 432.

⁴ Карамзин Н. М. Избранные сочинения в 2-х томах, т. 2. М.—Л., 1964, с. 403.

падает под те оценки, которые даны основоположниками марксизма западноевропейскому, в частности французскому, абсолютизму.

В конце XV столетия, как это ранее было и в передовых странах Европы, в России появляются первые признаки новых социальных отношений — буржуазных. Процесс этот, совершавшийся на экономически наиболее развитых территориях страны, как в городах, так и в сельских местностях, постепенно усиливался. Начиналась классовая борьба за дальнейшие перспективы социально-экономического развития России — феодально-крепостническую и буржуазную. В ходе этой борьбы формирующееся третье сословие добилось некоторых успехов, хотя, как вскоре обнаружилось, эти успехи и были временными, преходящими⁵.

О том, что к середине XVI в. буржуазные связи в России стали одним из элементов социальной действительности, свидетельствуют и новые тенденции в религиозном сознании. Сдвиги в системе религиозных представлений на грани двух формаций исторически неизбежны. Так, в Западной Европе, когда там начал отмирать феодализм и происходило становление капиталистических отношений, наряду с традиционно существовавшим католицизмом появились протестантские ереси, давшие впоследствии начало протестантским конфессиям с соответствующими им формами церковной организации. Дифференциацию, подобную той, которая привела к отпочкованию протестантизма от католицизма, переживали в период складывания капитализма и другие религиозные направления. Религиозные взгляды, в основных признаках близкие протестантским, существовали в XVI в. и в России. Характерно, что православные ортодоксы обвиняли русских еретиков именно в склонности к протестантизму. Особенно много нападок вызывал лидер религиозной оппозиции Феодосий Косой — его прямо сравнивали с Мартином Лютером⁶.

⁵ См. Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971, с. 156; Россия и Италия. Материалы IV Конференции советских и итальянских историков. Рим, 1969. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900—1914 гг. М., 1972, с. 45, 57—58, 60.

⁶ См. *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960, с. 272.

К середине XVI столетия социальная действительность в России не являлась чем-то однородным. Наряду с господствовавшими феодальными отношениями и соответствующей им православной ортодоксией имелись также раннебуржуазные отношения, которым соответствовали религиозно-еретические представления. Соотношение между этими антагонистическими социальными силами не представляло собой взаимного уравнивания: явный перевес был на стороне феодализма. Но это соотношение не было и неизменным: те отношения и взгляды, которые переживали свое становление, явно шли на подъем. Угроза феодализму становилась вполне реальной.

Симптомом обострения социальной борьбы явилось московское восстание 1547 г. В социальной и политической обстановке, сложившейся к этому времени, можно обнаружить некоторые элементы явлений и процессов, которые в их совокупности определяют революционную ситуацию: «низы» пришли в движение, и «верхи» уже не могли управлять ими, как прежде⁷. Для того чтобы овладеть положением, феодальные верхи вынуждены были пойти на довольно серьезные уступки.

Российский абсолютизм, однако, вовсе не намеревался, как, скажем, его французский собрат, длительное время лавировать между противоборствующими сторонами. Собранный с силами, он перешел в решительное наступление. В середине XVI в. феодальная реакция торжествует. Общественные структуры были деформированы, раннебуржуазные связи порваны. Было разгромлено и еретическое движение. Религиозная оппозиция начала восстанавливать свои силы лишь в следующем, XVII столетии, когда Россия вступила в новый период своей истории, характерной особенностью которого было создание вновь буржуазных связей.

Не только сходные явления в разных условиях могут давать различные последствия — одно и то же явление, причем в данное, вполне определенное время, имеет иногда прямо противоположную значимость в зависимости от той конкретной обстановки, в которой оно происходит.

⁷ См. *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973, с. 116--117.

Вряд ли какое-либо другое течение в русском освободительном движении получало столь же противоречивые отзывы от современников, как революционное народничество. Речь идет, разумеется, не о таких высказываниях, которые сочувственны или, напротив, враждебны освободительному движению. Это было бы вполне естественно. Но не совпадают и мнения людей, борющихся с угнетением и эксплуатацией. По-разному оценивалось народничество и впоследствии в работах по истории русской философии и общественной мысли, в том числе и в принадлежащих советским авторам. О наследии народничества (особенно это относится к таким его идеологам, как М. А. Бакунин и П. Н. Ткачев) и до сих пор существуют во многом неоднозначные суждения.

Думается, что одна из причин этого — та различная роль, которую играло народничество у себя на родине, в России, и на Западе.

Народничество — явление российской истории. Идеологи народничества выросли и получили воспитание в России, сформировались как революционные демократы прежде всего под влиянием русского освободительного движения. Впоследствии они жили в эмиграции на Западе. Именно там М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев четко сформулировали свои концепции, неоднократно публично излагали и популяризировали их. Будучи в эмиграции, они возглавляли различные отряды народничества и направляли их деятельность.

Идеологи народничества оказались как бы на грани двух миров. С одной стороны была Россия, с другой — Запад.

Для России, страны социально отсталой (если сравнивать ее с передовыми странами того времени), их концепции вполне подходили: революционный демократизм и утопический социализм не утратили здесь еще своей позитивной значимости. Народнические концепции позволяли организовывать революционные силы и осуществлять революционные акции.

В. Н. Фигнер, вспоминая о том впечатлении, которое производили в народнической среде выступления М. А. Бакунина, сообщала: «Под влиянием его статей мы верили в творческие силы народных масс, которые, страхнув могучим порывом гнет государственного деспотизма, создадут самопроизвольно на развалинах ста-

рогò строя новые, справедливые формы жизни, идеал которых инстинктивно живет в душе народа»⁸.

В конце 70-х — начале 80-х годов народники вели политическую борьбу с самодержавием, которая вызывала временами панику в верхах и колебала устои режима. «Подготовленная проповедью Ткачева,— писал В. И. Ленин,— и осуществленная посредством «устрашающего» и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть — была величественна...»⁹

Ленин отдавал должное и другим идеологам революционного народничества. В частности, подчеркивая заслуги П. Л. Лаврова в разработке некоторых проблем, стоявших перед русским освободительным движением, Ленин называл его ветераном революционной теории.

Теоретические взгляды народников Ленин рассматривал как социально и исторически обусловленные, соответствующие определенному периоду в истории страны, адекватные возможностям освободительного движения. Революционная деятельность народников стала эпилогом прежних и прологом новых форм борьбы за социальное обновление России. Ленин считал революционеров 70-х годов предшественниками социал-демократии в России.

Но когда народничество, переоценивая свою значимость, стремилось распространить свои взгляды и формы деятельности на Западе, где социальная обстановка была совсем не такой, как в России, оно сразу же обнаруживало собственную несостоятельность. «Способ борьбы русских революционеров,— писал в связи с этим Ф. Энгельс,— продиктован им вынужденными обстоятельствами, действиями самих их противников. За применяемые ими средства эти революционеры ответственны перед своим народом и историей. Но те господа, которые без нужды школьнически пародируют эту борьбу в Западной Европе... ни в каком случае не последователи и не союзники русской революции, а ее злейшие враги»¹⁰.

М. А. Бакунин, приняв участие в созданном К. Марксом и Ф. Энгельсом Интернационале, вел там

⁸ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. в 7-ми томах, т. V. М., 1932, с. 62.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 173.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 197.

против них борьбу, пытаясь противопоставить идеологии рабочего класса собственную доктрину. Эта борьба завершилась поражением бакунизма в рабочем движении — в 1872 г. Бакунин и его сторонники были исключены из Международного Товарищества Рабочих.

Пытался навязать Интернационалу народнические воззрения и П. Н. Ткачев. Он упрекал Международное Товарищество в недостаточной революционности, полагая, что оно, как и все западноевропейское рабочее движение, стремится лишь к «бескровным революциям», предлагал Интернационалу полностью исключить из своей практики легальные методы работы. В 1874—1875 гг. он вел полемику с Ф. Энгельсом, которая существенно подорвала его собственный престиж.

Иными были отношения с К. Марксом и Ф. Энгельсом у П. Л. Лаврова. Личное знакомство Лаврова с основоположниками марксизма состоялось после того, как он в мае 1871 г. прибыл в Лондон с поручением Парижской коммуны. Впоследствии Лавров стал другом Маркса и Энгельса. Он сблизился и с их соратниками — Ж. Гедом, П. Лафаргом, Ш. Лонге и др. Лавров пришел к убеждению, что учение марксизма составляет «эпоху в умственных приобретениях человечества»¹¹.

Все же и у Лаврова временами возникали серьезные расхождения с Марксом, Энгельсом и их сторонниками. Недооценивая всей важности борьбы с бакунизмом в рабочем движении, он призывал противоборствующие стороны достичь согласия. Энгельс называл его в связи с этим эклектиком и говорил о проявляемой Лавровым «истинно христианской терпимости»¹².

Деятельность идеологов русского народничества, осуществлявшаяся в двух достаточно четко разграниченных сферах, не является, таким образом, однозначной. Привнесение ими народнических доктрин и методов в рабочее движение Западной Европы неизбежно вовлекало народничество в конфликт с марксизмом. Резкие оценки Марксом и Энгельсом Бакунина и Ткачева затрагивают главным образом одну из сфер их деятельности и не могут рассматриваться как всеобъемлющие (некоторые из них к тому же полемичны). Это

¹¹ Лавров П. Л. *Философия и социология. Избранные произведения* в 2-х томах, т. 2. М., 1965, с. 583.

¹² См. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 18, с. 518, 525.

обстоятельство нельзя не принимать во внимание, когда речь идет о народничестве как целостном историческом явлении и производится всесторонняя оценка наиболее видных его представителей.

Подзаголовок из книги Ж. Дюкло о Бакунине «Тень и свет»¹³ применительно к народничеству в целом образно характеризует его различную роль на Западе и в России.

Наконец, возможна и такая ситуация, когда социальное явление, оставаясь — по крайней мере в своих основных признаках — тем же самым, дает различные результаты из-за того, что социальная обстановка, в которой это социальное явление существует, изменилась. Явление, некогда прогрессивное, по прошествии времени и при других уже условиях приобретает совсем иную значимость.

В работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство», в разделе «Критическое сражение с французским материализмом», написанном Марксом, показаны различные фазы, пройденные материализмом и атеизмом в их историческом развитии. В то время когда диктат религии был уже сломлен, но она все еще продолжала оказывать весьма значительное воздействие на общественную жизнь, появились возможности выступать против нее, отстаивать материализм и атеизм, но эти выступления были все же крайне затруднительны и, как правило, не проявлялись в открытой форме. Гораздо чаще материализм и атеизм вынуждены были — сознательно или стихийно — использовать различного рода камуфляж.

В XVII—XVIII столетиях они нередко существовали под покровом деизма, который хотя и не отрицал полностью участие верховного существа в судьбах мира, но отводил ему при этом лишь роль первотолчка. Тем самым за богом оставалась лишь малая сфера деятельности. В работах деистов ссылки на него нередко имели чисто формальное значение. Для того времени деизм стал прогрессивной идейной платформой. Показывая деизм в первоначальных условиях его существования, К. Маркс писал: «Деизм — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»¹⁴.

¹³ См. Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 144.

Таким был, например, деизм в России в XVIII в. Русская православная церковь, несмотря на известную секуляризацию духовной жизни в новое время, продолжала претендовать на мировоззренческую монополию. В этих условиях бескомпромиссный разрыв с религией грозил серьезными последствиями, в то время как деизм позволял, избегая обвинений в безбожии, отстаивать права естественных и общественных наук и не допускать вмешательства в них церкви. К деизму обращались многие передовые мыслители России, в том числе М. В. Ломоносов и А. Н. Радищев.

В произведениях Ломоносова и Радищева встречается понятие бога. Однако это понятие ни в коей мере не подменяет решения научных проблем и не затрагивает их существа. О тех исследователях, которые, обращаясь к религии, пытались восполнить пробелы в науке, Ломоносов писал: «...оним умникам... легко быть философами, выучаясь наизусть три слова: «Бог так сотворил» — и сие давая в ответ вместо всех причин»¹⁵.

О том, насколько этот деизм был материалистическим, свидетельствуют некоторые высказывания Ломоносова и Радищева о первопричине и первотолчке.

В работе «О тяжести тел и об извечности первичного движения», рассматривая вопрос об источнике движения, Ломоносов опровергал положение, что движение не существует извечно, что когда-то его не было. Он утверждал, что «первичное движение никогда не может иметь начала, но должно длиться извечно»¹⁶.

В «Путешествии из Петербурга в Москву», в главе «Бронницы», деизм фактически отождествляется с атеизмом: Радищев считает, что безбожник, поскольку он признает законы природы, так же воздает богу хвалу, как и тот, кто убежден в сотворении мира. В последней, 54-й строфе оды «Вольность» (отрывок из нее помещен в главе «Тверь» «Путешествия» — там это 50-я строфа) упоминается бог — для автора это синоним природы.

В трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» Радищев, продолжая материалистические и атеистические традиции западноевропейской и русской философии, писал: «И поистине, не напрасное ли умствование говорить о том, что могло быть до сотворения

¹⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 5. М.—Л., 1954, с. 575.

¹⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., 1951, с. 203.

мира? Мы видим, он существует, и все движется; имеем право неоспоримое утверждать, что движение в мире существует, и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно»¹⁷.

Отрицание первотолчка и сотворения мира логически делает ненужным божество даже и в его абстрактной трактовке.

Деизм, таким образом, не только предоставлял возможность уклоняться от традиционных религиозных представлений, но также создавал предпосылки для последовательно материалистических и атеистических выводов.

С тех пор прошло около двухсот лет. Коренным образом изменилась социальная действительность, иным стало и соотношение между религией и наукой. В трудных для религии обстоятельствах, когда поставлен вопрос о самом ее дальнейшем существовании, деизм уже не отвергается, он находит свое место в общей совокупности религиозных воззрений. Материализм же и атеизм уже не нуждаются в деистическом прикрытии. В новых условиях деизм — не противовес религии, а ее придаток, нередко — последнее прибежище религиозного сознания. Короче говоря, он превратился в свою собственную противоположность.

В свое время многие материалисты обращались к теориям двойственной истины и предметного разграничения науки и религии, теориям, сформулированным еще средневековыми вольнодумцами. Первая теория исходит из того, что поиск истины в равной мере могут вести и наука, и религия, причем найденные ими истины не обязательно совпадают между собой. То, что истинно с точки зрения науки, может не разделяться религией; в свою очередь положения религии не всегда приемлемы для науки. Вторая теория утверждает, что сами предметы, которыми занимаются религия и наука, отличны друг от друга; поэтому у науки и религии нет точек соприкосновения и конфликтам между ними не должно быть места; если же они возникают, то лишь по недоразумению.

Обе теории использовались для того, чтобы отстоять, пусть еще и не в полном объеме, право науки на самостоятельное исследование. До тех пор пока религия со-

¹⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., 1941, с. 81.

храняла большое влияние в обществе, эти теории имели позитивную значимость.

В русской философии XVIII в. их — в той или иной мере — применял в своих работах М. В. Ломоносов.

Отстаивая независимость науки от религии, Ломоносов ссылаясь на то, что создатель дал человечеству две книги — природу и «священное писание». По его мнению, богословы должны ограничить свои занятия «священным писанием» и не вмешиваться в дела науки, читающей книгу природы. Пусть они не думают, говорил Ломоносов, «что по псалтире научиться можно астрономии или химии»¹⁸.

Однако отграничить науку от религии, создавшей собственную картину мира и претендовавшей на универсальность своих догматов, фактически не представлялось возможным. И Ломоносов отстаивал истинность положений науки независимо от того, насколько сочетались они с религиозным мировоззрением. Русский ученый разрабатывал материалистическое учение о Вселенной, совершенно не соответствующее библейским представлениям. Он пропагандировал гелиоцентрическую концепцию Н. Коперника и учение Д. Бруно о множестве населенных миров. Открытый им закон сохранения вещества и движения шел вразрез с религиозной легендой о сотворении мира. В полном противоречии с религией, рассматривавшей мир неизменным, Ломоносов, ссылаясь на материалы палеонтологии и некоторых других наук, доказывал, что природе свойственны значительные перемены, т. е. выдвигал идею эволюции.

Если же позволяли обстоятельства, Ломоносов давал открытую критику религиозных воззрений. Он отвергал, например, вычисленную церковниками на основе библейских текстов дату сотворения мира (якобы созданного всего несколько тысячелетий тому назад), выступал против соблюдения некоторых религиозных обрядов, написал антицерковный «Гимн бороде» (за который Синод пытался привлечь его к ответственности).

Теории предметного разграничения науки и религии и двойственной истины в той мере, в какой они использовались Ломоносовым, служили делу материализма и атеизма.

¹⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 4. М.—Л., 1955, с. 375.

Печать «двойственной истины» несет на себе и трактат А. Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии». Состоящий из четырех книг, он посвящен разбору учения о бессмертии души, причем в первых двух книгах дается материалистическая трактовка рассматриваемых вопросов, а в двух следующих за ними (т. е. в третьей и четвертой) приводится религиозная версия.

Излагать свое мнение о душе с откровенно атеистических позиций в XVIII в. в России практически не представлялось возможным: этот вопрос, крайне важный для православия, был, как считали его идеологи, уже давно и окончательно решен. Но в обществе, где преобладали феодальные отношения, книги, содержавшие взаимоисключающую информацию, религиозную и атеистическую, идеалистическую и материалистическую (а такие книги время от времени появлялись в различных странах), играли в идеологической борьбе не разноплановую, а вполне однозначную роль. Не представлял исключения и трактат Радищева.

Изложенные в нем религиозные представления были и без того хорошо всем известны. Они постоянно пропагандировались на уроках «закона божьего», в церковных проповедях, в печати. Атеизм же в 90-х годах XVIII в., когда писался трактат, с трудом пробивал себе дорогу к читателю. Поэтому те разделы трактата, где приводились атеистические доводы, вызывали совсем иной интерес, чем те, в которых предоставлялась трибуна теизму. Тенденциозность этого произведения легко угадывалась. А. С. Пушкин, рассказывая о мировоззренческих установках Радищева, делал вывод: «Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого атеизма»¹⁹.

В наши дни функции, выполняемые теориями двойственной истины и предметного разграничения науки и религии, так же как и деизмом, коренным образом изменились. По мере того как влияние религии в обществе ослабевало, а науки — усиливалось, утрачивалась прогрессивная значимость обеих теорий. Обе они в конечном счете были взяты на службу теологией.

Используя эти теории, современная теология стремится обособить для религии такую сферу, куда был бы закрыт доступ науке; она утверждает, что религия не

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1949, с. 35.

может являться объектом научного изучения, что о добытых религией истинах наука судить не вправе и т. д.

Учет того, что одни и те же явления имеют различный исторический смысл в меняющейся во времени обстановке, — одно из проявлений свойственного марксистской методологии принципа историзма.

VIII. Социальная мимикрия

«Происхождение видов» Ч. Дарвин рассказал о проявлениях защитной окраски и формы, когда хуже приспособленные к условиям существования маскируются под лучше приспособленных, более защищенных. «...Говоря метафорически, — подчеркивал Дарвин, — подобно большинству слабых существ, они должны прибегать к обману и притворству»¹. Это явление получило в биологии название «мимикрия» (от англ. *mimicry* — подражательность). Подражательность обнаруживается и в жизни общества. По аналогии с только что отмеченным явлением она может быть обозначена как социальная мимикрия.

Социальная мимикрия бывает двух видов: или новые явления маскируются под традиционные, а то и ставшие уже достоянием прошлого, или, напротив, старые стремятся выдать себя за новые. И в том и в другом случае социальная мимикрия — свидетельство недостаточной надежности некоторых социальных структур. Социальная мимикрия, так или иначе, призвана дезориентировать современников, внушать им неверные (или по крайней мере недостаточно точные) сведения о прогрессивности (или реакционности) определенного явления. Наука, идущая по стопам совершившихся событий, история, также временами испытывает затруднения при освещении явлений, воспользовавшихся мимикрией.

Событиями, революционными по существу, но маскирующимися под прошлое, интересовался К. Маркс. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он

¹ Дарвин Ч. Происхождение видов. М., 1952, с. 406.

обратил внимание на значительное число таких событий и объяснял это тем, что люди творят историю при обстоятельствах, которые не выбираются ими, а уже имеются налицо, достались им от прошлого, стали традиционными. Поэтому люди в периоды многих революционных кризисов, известных истории, переделывая окружающий мир и самих себя, создавая нечто небывалое прежде, тем не менее «боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»².

Маркс ссылаясь на деятельность М. Лютера, подчеркивая, что он «переодевался апостолом Павлом»³. Маркс писал также о том, что в XVII столетии «Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета»⁴.

В тех прогрессивных и революционных движениях, ломающих старое и создающих новое, мировоззрение которых выражалось в религиозной форме, обращение к прошлому, вообще говоря, является обычным делом. И М. Лютер и О. Кромвель, как и другие деятели ранних буржуазных революций, непременно искали поддержку в Библии, обращались к формулам раннего христианства (трактуя их, разумеется, по-своему). Они призывали следовать богоданным образцам, вечным истинам, от которых, как утверждалось при этом, в свое время были допущены отступления. Стремление вперед изображалось, таким образом, как своего рода возвращение вспять, и прогресс выглядел в сущности как реакция.

Использование идеализированных представлений о прошлом характерно и для религиозных движений в России. В XVII в. в феодальной стране вместе с буржуазными отношениями получают распространение христианское сектантство и староверие (старообрядчество), искавшие свой идеал в прошлом.

Секты провозглашали свое намерение вернуться к евангельскому христианству, противопоставляя религи-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119

³ Там же.

⁴ Там же, с. 120.

озной ортодоксии идеи полуторатысячетлетней давности. Формально по сравнению с ортодоксией они выглядят реакционнее. А между тем несомненно, что сектантство в России явилось своего рода «обводным каналом» капиталистического развития⁵. Печальную славу за свою приверженность к старине снискало староверие; само название его символично. Желая подчеркнуть чей-либо упорный консерватизм, иногда используют сравнение со староверием. Так, полемизируя со славянофилами, В. Г. Белинский отзывался о них как о литературных старообрядцах.

В «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханов утверждал, что в расколе и старообрядчестве «лучше, выпуклее, ярче, нежели в чем-либо другом, выразила свою духовную природу именно старая Московская Русь». По его мнению, религиозная оппозиция, воплотившаяся в староверии, являлась проявлением «народного застоя, а вовсе не прогресса»⁶.

Последующее исследование староверия советскими историками не подтвердило, однако, выводов Плеханова. Выяснилось, в частности, что социальная платформа староверия соответствовала вызревавшему буржуазному строю. Отделившееся от православия по формальным признакам, староверие спустя непродолжительное время противостояло ему уже и по содержанию. Это было достигнуто путем иной расстановки идейных акцентов, выдвижения на первый план или замалчивания некоторых общих принципов христианства, а также создания оригинальных установок, причем вся эта идеологическая работа осуществлялась как мнимое сохранение прошлого.

Исследованная ныне историческая география староверия также свидетельствует о его вполне определенной социальной принадлежности: оно распространялось в первую очередь в тех местах феодальной страны, где появились буржуазные связи.

После Октябрьской революции различные церковные организации, утратившие прежние социальные связи и ориентиры, вынуждены были заняться поисками новых. В православной церкви возникла радикальная

⁵ См.: *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973, с. 74—117.

⁶ *Плеханов Г. В.* О религии и церкви. Избр. произв. М., 1957, с. 453.

группа, получившая известность как обновленческая. Обновленцы объявили себя приверженцами нового строя. Несмотря на то что их социальная программа в значительной мере была созвучна настроениям широких масс верующих, обновленческое движение все же не приобрело сколько-нибудь значительного влияния. Одна из причин этого — в том, что обновленцы, выдвигая новые принципы, недостаточно учитывали сложившиеся религиозные традиции, более того, нередко открыто порывали с ними.

То, что не удалось обновленческому движению, было впоследствии осуществлено руководством православной церкви. Стремясь найти свое место в новом обществе, церковь осуществляла собственную модернизацию, делая акцент на возврате к утраченным некогда истинно христианским представлениям.

В произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс констатировал, что во Франции «революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи...»⁷. Маркс обращал внимание на то, что «в римском костюме и с римскими фразами на устах» деятели французской революции, партии и народные массы решали «задачу своего времени» — освобождение страны от оков феодализма и установление буржуазного общества⁸. Маркс объяснял это явление тем, что в римском наследии были найдены идеалы, художественные формы, иллюзии, необходимые участникам революции «для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии»⁹.

Вскоре после окончания революции надобность в маскараде, который разыгрывался в древнеримском стиле, прошла. «...Как только новая общественная формация сложилась,— писал Маркс,— исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь». Буржуазное общество, «всецело поглощенное созиданием богатства и мир-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119.

⁸ См. там же, с. 120.

⁹ Там же.

ной конкурентной борьбой... уже не вспоминало, что его колыбель охраняли древнеримские призраки»¹⁰.

Социалистическая революция не нуждается в подобном камуфляже: ее идеалы могут быть представлены без подделки под старину. По словам Маркса, свою поэзию она черпает «только из будущего, а не из прошлого». Более того, «она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины»¹¹.

То, что было рассмотрено выше, лишь одна группа явлений социальной мимикрии — настоящее подделывается под прошлое. Но социальная мимикрия проявляется и в ином — в маскировке отживающего свой век под современность.

Вместе с появлением раннебуржуазных отношений сначала в Италии, а затем в некоторых других западноевропейских странах наступила эпоха Возрождения. Формирующийся в недрах феодального общества буржуазный общественно-экономический уклад включал в себя помимо новых экономических отношений также другие социальные связи, новые элементы культуры. Искусство Возрождения резко отличалось от средневекового гуманистическим содержанием и реалистической формой. Воздействие его на современников было велико. Оно не только с энтузиазмом принималось создателями нового уклада, но приобретало популярность и среди тех, кого устраивали традиционные общественные отношения и кто стремился отстоять их право на дальнейшее существование. Не смог избежать воздействия искусства Возрождения и идеологический центр западноевропейского феодализма — католическая церковь.

Среди церковников популярна была, в частности, живопись венецианца Паоло Веронезе. «...Любопытно отметить, — пишет американский искусствовед Б. Бернсон, — что главными заказчиками Паоло были монастыри. Искренняя жизнерадостность и светскость, то есть те качества, которые мы находим в изображении его пиршеств, казалось, пришлись особенно по вкусу тем, кто утолял свой голод и жажду в совершенно другой обстановке. Это не только краткий комментарий к истории эпохи, но и доказательство того, как глубоко

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 122.

проник дух Возрождения, если даже религиозные орден считали для себя возможным пренебрегать правилами аскетизма и догмами благочестия»¹².

Искреннее увлечение искусством Возрождения, проявленное некоторыми церковниками, органически дополнялось стремлением католицизма изменить свой средневековый фасад, сделать его столь же современным, как и те явления, которые были вызваны к жизни новым укладом. Скульпторы, художники, архитекторы нового направления привлекаются в Рим к папскому двору. Здесь работают великие мастера Высокого Возрождения Рафаэль и Микеланджело. А. С. Пушкин называл Микеланджело создателем Ватикана.

Приобретая внешние атрибуты, присущие явлениям Возрождения, и даже имея в системе иерархии некоторых лиц, сочувственно относившихся к идеям, возникшим на почве нового уклада, католицизм не претерпел сколь бы то ни было существенной перестройки, не избрал для себя новые социальные принципы. Перед нами — типичное явление социальной мимикрии. Ватикан сориентировался на капитализм гораздо позже, когда последний значительно упрочил свои позиции.

В конце XVII и начале XVIII столетия в России были проведены реформы, инициаторами которых были Петр I и его окружение. В результате преобразований страна приобрела европейский облик. По европейскому образцу была создана армия. Правительственные учреждения копировали европейские. Новые городские здания строились согласно тем вкусам, которые господствовали на Западе. Тот, кто приезжал из Западной Европы в новую столицу России, Петербург, воочию убеждался, что европейская культура раздвинула свои границы.

К этому времени Западная Европа основательно обуржуазилась, хотя в большинстве ее стран у власти по-прежнему все еще находился класс феодалов. Буржуазный уклад успешно функционировал, и под влиянием его деятельности менялось лицо общества. Феодализм утрачивал свое средневековое обличье.

Возникает вопрос: были ли преобразования, совершенные в правление Петра I, признаком того, что Россия по ведущим параметрам социального развития при-

¹² Бернсон Б. Живописцы итальянского Возрождения. М., 1965, с. 53.

близилась к Западной Европе, стала более буржуазной, т. е. для того времени более передовой? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Преобразования не продвинули Россию по пути буржуазного развития, напротив, закрепили — и в этом была их суть — феодальный статус страны. Именно это и дало впоследствии дворянской историографии основания создать подлинный культ Петра I (который, кстати, не преодолен полностью и по сию пору).

После преобразований развитие России продолжалось в пределах феодальной формации. Крепостничество укрепилось и просуществовало еще полтора столетия вплоть до 1861 г.

Уже Н. Г. Чернышевский обратил внимание на то, что реформы конца XVII — начала XVIII в. не затронули основ общественного строя. Он утверждал, что после этих реформ социальная жизнь России почти ни в чем не изменилась. «Губернатор был тот же воевода, — писал Чернышевский, — коллеги были теми же приказами. Бороды сбрили, немецкое платье надели, но остались при тех же понятиях, какие были при бородах и старинном платье». Переделки во многих сферах русской действительности «ограничивались переменою имен». Чернышевский ставил вопрос: если деятельность Петра I и правивших после него императоров и императриц имела своей целью европеизацию России, то почему же ее подданные еще и в начале 60-х годов XIX в. «очень плохие европейцы»? «Неужели мы в самом деле так уродливо созданы, — спрашивал Чернышевский, — что логика событий для нас не существует, что действительное, на нас производимое, не может из нас сделать того, чем сделало бы людей, имеющих нормальную человеческую организацию?» Конечный вывод из всех этих рассуждений может быть, по мнению Чернышевского, только один: «...сделать нас европейцами никто не хотел, — что ж тут нелепого или удивительного, если мы до сих пор плохие европейцы?»¹³

В истории России К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли период, который охватывал XVIII столетие и более половины XIX. Энгельс писал о России, которая просуществовала от Петра I до Николая I¹⁴.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах, т. VII. М., 1950, с. 612—614.

¹⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 636.

Характеризуя эту Россию, Маркс пользовался выражением «маска западноевропейской цивилизации»; он говорил о «мнимой цивилизации», введенной Петром I¹⁵. Маркс писал также о «тепличном развитии, пережитом Россией со времени Петра Великого», и обращал внимание на «искусственно ускоренный рост и огромные усилия, которые делались, чтобы сохранить видимость блестящей цивилизации при полуварварском уровне страны...»¹⁶.

Реформы, превратившие Московское царство в Петербургскую империю, имели, конечно, не только косметический характер. Кое-что из того, что произрастало на Западе «в открытом грунте», на почве буржуазных укладов, при пересадке в Россию могло культивироваться лишь в «теплице» и использовалось в целях, прямо противоположных изначальным — в интересах феодализма.

Новейшие работы советских историков позволяют конкретизировать судьбы российского феодализма в XVIII—XIX столетиях.

В правление Петра I и его ближайших преемников значительно возрастает число помещиков и помещичьих владений. Если в 1678 г. насчитывалось 22—23 тыс. помещиков, то к 1737 г. их было уже 46 тыс. Количество поместий с 1700 по 1737 г. возросло с 28,5 тыс. до 63 тыс., т. е. на 121%. Среди феодально зависимого населения усиливается закрепощение; крепостное право распространяется на новые группы населения и районы страны. Число помещичьих крестьян в этот период увеличилось наполовину, так что более $\frac{2}{3}$ крестьянства оказалось в крепостной зависимости от помещиков¹⁷.

Крепостничество вплоть до 1861 г. препятствовало проникновению капитализма в сельское хозяйство. Оно вторгалось и в сферу промышленного производства, искажая совершавшееся здесь естественным образом формирование капиталистических отношений. Оно затрудняло деятельность предприятий, где применялся вольнонаемный труд, и благоприятствовало тем, на ко-

¹⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 588; т. 12, с. 701.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 589.

¹⁷ См. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977, с. 64, 76—77, 91, 194.

торых использовался принудительный труд крепостных рабочих. Но предприятия второго типа представляли собой боковую тупиковую ветвь развития российской промышленности¹⁸.

Модернизация феодального устройства России при Петре I и его преемниках и сближение с Западной Европой способствовали усвоению некоторых элементов культуры из передовых стран тогдашнего мира. Эти элементы культуры затронули лишь привилегированные слои русского общества. Положение социальных низов лишь ухудшилось. Основное население России, крестьянство, в XVIII и первой половине XIX в. пережило крепостничество в такой форме, которая фактически не отличалась от рабства.

Социальная мимикрия — явление, достаточно хорошо известное и современности. В наши дни найдется немного консервативных и реакционных партий, которые не предпочитали бы выдавать себя за народные, социалистические и т. д. Контрреволюционные перевороты охотно маскируются под революции. Выявление подлинной сути подобных явлений марксистская идеология считает одной из своих насущных задач.

IX. Реальность исторических задач — одно из условий социального развития

работе К. Маркса «К критике политической экономии» есть слова: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить...»¹ Это положение Маркс связывает с глобальными задачами,

встающими перед человечеством, — сменой общественно-экономических формаций. Необходимость замены одной формации другой появляется лишь тогда, когда для этого имеются уже материальные предпосылки.

Другие задачи, которые призвано решать человечество, чтобы продвигаться вперед, не столь всеобъем-

¹⁸ См. Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. Избранные труды, с. 101, 114.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

лющи и грандиозны по своим масштабам. Причем ставит их перед собой не только человечество в целом, но и его конкретные представители — те или иные общества, большие или малые группы людей и отдельные индивиды. Существует определенная иерархическая соподчиненность — по степени их важности — задач, возникающих в процессе социального развития.

Исторические задачи не только не равноценны по своей значимости — не одинаковы они и по степени объективности. Менее всего подчинены субъективности и произволу глобальные задачи, которые решаются человечеством в целом. Несомненно, что по мере снижения значимости исторических задач в них появляется больше простора для волюнтаристских действий. Не каждая задача, которую пытается решить тот или иной человек и та или иная группа людей, вообще поддается решению.

Задачи, которые можно разрешить в интересах социального прогресса, всегда ограничены определенными историческими рамками. Ограниченность в постановке того или иного исторического вопроса, обусловленная конкретными обстоятельствами, не может рассматриваться, следовательно, просто как недостаток, напротив, она-то и дает возможность оставаться в пределах исторических реальностей. Задачи же, при постановке которых не соблюдались необходимые ограничения, естественно, при данных обстоятельствах оставались неразрешенными.

В начале 1730 г. после смерти Петра II и избрания Верховным тайным советом императрицей Анны Ивановны, которая вынуждена была подписать «кондиции», существенно урезавшие ее власть, в среде дворянства возникло движение за обновление политических институтов. Выдвигались разнообразные проекты. Некоторые из них, отличавшиеся радикализмом и обязанные своим появлением, безусловно, самым благородным побуждениям, не отличались, однако, достаточным политическим реализмом. «При отсутствии политического глазомера,— писал по этому поводу В. О. Ключевский,— при непривычке измерять политические расстояния так недалеко казалось от пыточного застенка до английского парламента»². Как известно, парламентские проекты

² Ключевский В. О. Сочинения в 8-ми томах, т. IV. М., 1958, с. 279—280.

осуществлены не были. Через несколько дней после воцарения новой императрицы самодержавие было восстановлено в полном объеме, а последующее десятилетие российской истории прошло под знаком бироновщины.

Имела ли исторический смысл борьба феодально зависимого крестьянства, если она шла не за упразднение феодального строя, а лишь за его «исправление», избавление от наиболее тягостных для крестьян феодальных повинностей, от плохих, с их точки зрения, правителей и феодалов, которые подлежали замене «хорошими»? В соответствии с этими социальными идеалами формулировались программы и лозунги массовых крестьянских движений в средние века.

На последующих стадиях общественного развития социальные стремления крестьянства, те идеалы и лозунги, которыми оно руководствовалось, могут показаться совершенно недостаточными. А между тем в условиях, не содержащих никаких возможностей замены феодального строя другим, воззрения крестьянства были и вполне реалистичными, и достаточно эффективными: уровень эксплуатации в феодальном обществе оказывался соотнесенным со степенью сопротивления «снизу». Не являвшиеся революционными, крестьянские движения той поры способны были принести только такие результаты, которые не выходили за пределы феодальной формации. Самое большее, что они могли дать,— это такую форму феодализма, которая являлась более перспективной для последующего социального развития.

Воззрениям феодально зависимого крестьянства был свойствен монархизм. Монархия являлась самой распространенной формой государственного устройства в средние века. Феодальная республика была лишь редким исключением. Поэтому обновление общества, его совершенствование в желательном крестьянстве направлении чаще всего связывались с наиболее характерной для феодализма формой государственности. Царствующему монарху поднявшиеся на борьбу крестьяне противопоставляли своего, «мужицкого» государя. Не только в Китае (о чем уже упоминалось), но и в некоторых других феодальных странах этим претендентам в результате победоносного крестьянского движения иногда удавалось занять трон. Политический режим претерпе-

вал некоторые изменения, и крестьянское сословие получало временное облегчение. Очевидно, что монархизм такого рода нельзя считать бесплодным.

Монархические взгляды и соответствующая им политическая практика, типичные для феодализма, пережили его и продолжили свое существование в следующей формации, для которой в общем характерен иной принцип государственности — республиканизм. Временами, однако, и в новое время обнаруживается стойкость монархической традиции. Ее носителей, искушенных политических деятелей, тем более невозможно было бы заподозрить в политической наивности.

Монархия — в преобразованном, разумеется, виде — сохранилась в некоторых странах, где капитализм обрел свое классическое воплощение. Буржуазия этих стран, придя к власти, не отказалась от принципа монархизма — она лишь устранила «плохих» монархов, придерживавшихся феодальной ориентации, и заменила их «хорошими», проводившими ее собственную политику или попросту символизировавшими ее (если роль монархической власти в системе надстройки была сведена к минимуму).

Монархическая традиция оказывала существенное воздействие на исторические события не только при склонности буржуазии к историческим компромиссам, но и в периоды, когда борьба с изжившим себя феодализмом отличалась наибольшей решительностью.

Ф. Энгельс писал о французских просветителях XVIII столетия: «Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»³. Однако этот всеобщий пересмотр ценностей лишь в сравнительно малой мере затронул принцип монархизма. Не только в период подготовки Великой революции, но и при ее свершении монархизм некоторое время оставался господствующей политической платформой. Приверженность к монархизму проявляли революционные идеологи, принадлежавшие к различным политическим направлениям. Монархические убеждения были свойственны не только Мирабо, но также

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 16.

Робеспьеру и другим наиболее радикальным деятелям революции. Являясь убежденными противниками деспотического режима Бурбонов, идеологи французской революции тем не менее испытывали антипатию к республике, опасаясь ее вырождения в олигархию. Мирабо так и умер монархистом (2 апреля 1791 г.). Робеспьер даже после бегства короля из Парижа в июне 1791 г. оставался сторонником монархической формы правления. Он стал республиканцем лишь в июле 1792 г.⁴

Удивительно ли, что монархичным было крестьянство, находившееся в феодальной зависимости или только освобождавшееся от такой зависимости?

В. И. Ленин говорил о наивном монархизме крестьянства. Но когда он употреблял термин «наивный», то противопоставлял ему как парный — «сознательный».

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин неоднократно использовал понятие «наивный реализм». Он определял его как «стихийно, бессознательно материалистическую точку зрения, на которой стоит человечество, принимая существование внешнего мира независимо от нашего сознания»⁵. «Наивный реализм» — принадлежность массового сознания, общественной психологии, и в этом — отличие его от философской интерпретации действительности. Но «наивный реализм» является тем устоем, на котором существует и развивается материализм философский. ««Наивное» убеждение человечества, — писал Ленин, — сознательно кладется материализмом в основу его теории познания»⁶.

Аналогичным образом употреблялось Лениным выражение «наивный монархизм». В выступлении на одном из заседаний четвертого (объединительного) съезда РСДРП Ленин противопоставлял наивный монархизм якобинцев монархизму идеологов российской буржуазии: «...кадеты не наивные, а сознательные монархисты»⁷.

Говоря о наивном монархизме крестьянства, Ленин обращал внимание не на его простодушие, неопытность, хотя эти черты и не были чужды, конечно, крестьянской среде, а на свойственную воззрениям крестьянства сти-

⁴ См. Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1979, с. 180—181, 312—313, 318.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 56.

⁶ Там же, с. 66.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 374.

хийность, что является неперменной принадлежностью низшего уровня общественного сознания, отличает общественную психологию от идеологии. В «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции» Ленин писал о наивном монархизме крестьянства и сознательном монархизме буржуазии. В этой работе, которая была создана летом 1905 г., он высказывал убеждение, что недалеко то время, когда крестьянство России станет избавляться от наивного монархизма и его идеалом будет демократическая республика⁸.

Русское освободительное движение, развивавшееся на протяжении XIX столетия, в конце его переросшее во всероссийское, которое завершилось Октябрьской революцией 1917 г., также было ограниченным на каждом своем этапе, но именно эта ограниченность и позволяла ему ставить реальные задачи и бороться за их осуществление.

Декабристов, дворянских революционеров, было всего несколько сотен человек. Они рассчитывали привлечь на свою сторону некоторые воинские части и с их помощью путем вооруженного восстания изменить существующие в стране порядки и отношения. Действовали они именем народа и для народа, но не стремились приобщить массы к участию в революционном перевороте.

В этом была их ограниченность. Но попытка распространить движение вширь, сделать его достоянием всего народа, или по крайней мере каких-то его слоев, неизбежно направила бы тайные общества на путь просветительства, рассчитанного на долгие годы и все равно обреченного на неудачу в условиях крепостничества и деспотического режима. «Хождение в народ», получившее распространение спустя полвека, в 70-х годах, несомненно, при сравнительно более благоприятных обстоятельствах быстро исчерпало себя и не принесло тех результатов, которых от него ожидали. Крестьянство привести в движение не удалось, а среди участников «хождения в народ» были произведены массовые аресты. Стремление же небольшой группы передовых дворян участвовать в чем-то подобном «хождению в народ» в период царствования Александра I не могло бы выйти, конечно, из сферы маниловских мечтаний.

⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 88.

Наиболее демократической организацией декабристов было Общество соединенных славян, состоявшее из младших офицеров и мелких чиновников. Основанное в начале 1823 г., общество просуществовало до сентября 1825 г. «Славяне» стремились к самообразованию и самосовершенствованию, чтобы впоследствии стать просветителями народа и готовить его к борьбе за свободу.

Председателем общества с марта 1825 г. являлся П. И. Борисов, подпоручик 8-й артиллерийской бригады. Он говорил о себе, что с младенчества влюблен в демократию и что эта любовь появилась у него при изучении древнегреческой и римской истории, чтении книг Корнелия Непота и Плутарха, в которых рассказывалось о знаменитых людях древности. Борисов был против «военной революции», опасаясь возможной узурпации власти участниками переворота.

Характеризуя его выступления в среде декабристов, С. С. Ланда пишет: «Блистательная по своему демократическому пафосу аргументация поклонника «древних греков и римлян» и приверженца «народодержавия» имела лишь один, но существенный недостаток: она была оторвана от реальной действительности крепостной России, от реальных задач революционной борьбы»⁹.

К осени 1825 г. в Обществе соединенных славян насчитывалось всего около 50 человек. Многие из них уже не удовлетворялись просветительством и стремились к деятельности, обещавшей конкретный результат. В сентябре 1825 г. Общество соединенных славян слилось с Южным обществом декабристов, приняв его боевую программу действий. В декабре того же года бывшие члены Общества соединенных славян стали инициаторами восстания Черниговского полка.

Но, как это свойственно и другим историческим ситуациям, задача, выдвинутая раньше, чем сложились условия для ее реализации, не была бесплодной. Концепция народной революции, пропагандировавшаяся «соединенными славянами», впоследствии обогащенная и конкретизированная, сыграла важную роль в дальнейших судьбах освободительного движения в России.

⁹ Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975, с. 298.

А в 1825 г. реальной и действенной программой преобразования России обладали Северное и Южное общества. Более того, сразу же после внезапной смерти в Таганроге 19 ноября Александра I декабристы создали также вполне осуществимый план выступления и захвата власти. Возможность победоносного исхода восстания 14 декабря была, хотя она и не стала действительностью.

Версия, созданная Николаем I, его приближенными и теми историками, которые выполняли социальный заказ властей, фальсифицировала ситуацию декабря 1825 г. Эта версия была изложена в книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», написанной в 1848 г., как сообщает сам автор, «по высочайшему повелению».

Согласно этой трактовке, восстание 14 декабря было совершенно бесперспективным, не могло рассчитывать на успех и не представляло серьезной опасности для правительства. А поскольку движение декабристов действительно завершилось катастрофой, то официальная трактовка происшедшего оказалась достаточно живучей и в какой-то мере оказала влияние даже на научную литературу. Но потерпеть поражение — еще не значит не иметь шансов на успех.

Непосредственные участники и свидетели событий 14 декабря, причем и из правительственного лагеря, придерживались иного мнения, чем то, которое пропагандировалось официально. Будущий придворный историограф движения М. А. Корф, по его собственным воспоминаниям, проведя день 14 декабря от полудня до 8-го часа вечера во дворце, «видел и сам разделил общее смятение и ужас»¹⁰.

М. В. Нечкиной было убедительно доказано, что официальная версия появилась именно вследствие того, что восстание произвело на правительство устрашающее впечатление, что опасность, которую оно пережило, была реальной. Николай I чувствовал себя 14 декабря растерянным, а мысль о том, что восставшие могли победить, не оставляла его и впоследствии¹¹.

¹⁰ См. *Эйдельман Н.* Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979, с. 214.

¹¹ См. *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I. М., 1955, с. 7; т. II. М., 1955, с. 299.

Дипломатические представители иностранных государств, находившиеся в конце 1825 — начале 1826 г. в Петербурге и располагавшие обширной информацией, сообщали своим правительствам о крайне трудном положении, в котором оказалось правительство России в день 14 декабря. Посол Франции в России Ляфферонэ писал французскому министру иностранных дел А. Г. Дама на следующий день после восстания, 15 декабря, что, если бы восставшие вознамерились «двинуться к дворцу, ничто не могло бы помешать им достигнуть его», что в случае присоединения к восставшим еще некоторых частей, настроение которых было неопределенным, «можно было опасаться самых ужасных последствий». Через несколько дней, 24 декабря, Ляфферонэ вновь сообщал своему министру, что хотя восстание не было достаточно подготовленным, но даже и «при этих обстоятельствах» восставшим «был бы обеспечен успех, если бы во главе их стоял хоть один человек, у которого было бы столько же присутствия духа, сколько у них решимости». Чрезвычайный посол Франции Сен-При, приехавший в Петербург с поздравлениями своего правительства Николаю I в связи с его восшествием на престол, в донесении от 8 января 1826 г. отмечал: «Можно сказать с уверенностью, что, если бы в день 14 декабря восставшие выказали больше энергии, они разделались бы с империей и с императором». Такого же мнения придерживался и Евгений, принц Вюртембергский, который писал из Петербурга, что полный переворот в России был возможен и что его осуществление зависело «от одной счастливой случайности»¹².

А с какими настроениями вышли на Петровскую площадь сами декабристы? Мечтали они о победе или заранее мирились с поражением? Г. В. Плеханов, выступая на собрании в Женеве, посвященном 75-й годовщине 14 декабря, высказал убеждение, что декабристы сознательно шли на мученичество. События, происшедшие в Петербурге, он считал всего лишь военной манифестацией¹³. Высказывания такого авторитетного марксиста, как Плеханов, отразились и на не-

¹² См. *Невелев Г. А.* 14 декабря 1825 года (официальная версия и Западная Европа). — Вопросы истории, 1975, № 12, с. 96, 98.

¹³ См. *Плеханов Г. В.* Сочинения, т. X. М.—Л., 1925, с. 367—368.

которых последующих работах о восстании 14 декабря.

Между тем воспоминания, оставленные декабристами, их сочинения, в которых рассказывалось о 14 декабря и движении в целом (многие из них не могли быть известны Плеханову), не дают достаточных оснований для подобных утверждений. Судя по имеющимся в настоящее время данным, в кругах декабристов никогда не исчезала убежденность в возможном успехе их предприятия. Эта убежденность не угасла и после понесенного декабризмом поражения, когда существовавшая в декабрьские дни 1825 г. ситуация обсуждалась в каторжных тюрьмах и на поселении бывшими участниками тайных обществ. Происходивший обмен мнениями, видимо, подтверждал возможность удачи восстания в Петербурге.

Е. И. Якушкин, дважды навещавший в 50-х годах жившего в Сибири отца, познакомился со многими декабристами, также отбывавшими ссылку, и сообщил о своих беседах с ними. Он, в частности, встречался с Е. П. Оболенским, являвшимся в свое время одним из самых видных деятелей Северного общества. Оболенский был начальником штаба восстания, а на исходе дня 14 декабря восставшие избрали его диктатором вместо не явившегося С. П. Трубецкого. В беседе с Е. И. Якушкиным Оболенский говорил о том, что «14-е могло бы кончиться совсем не так, как оно кончилось»¹⁴. Главный просчет восставших состоял, по его мнению, в том, что они не приняли мер, чтобы овладеть Петропавловской крепостью.

А. Е. Розен, находившийся в декабре 1825 г. в Петербурге и присутствовавший на совещании декабристов 12 декабря, сообщает об оптимизме его участников: «...все надеялись на успех...»¹⁵ Розен не только тогда, но и позже не считал, что эти надежды были беспочвенными.

14 декабря Розен принял непосредственное участие в событиях — утром побывал на Петровской площади, затем остановил на Исаакиевском мосту Финляндский полк, шедший на подавление восстания, и ожидал с восемьюстами солдатами этого полка, готовыми слушать его команду, когда начнется атака Зимнего дворца, что-

¹⁴ См. Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Л., 1926, с. 37.

¹⁵ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 63.

бы поддержать ее. Как полагал Розен, «успех предназначенного предприятия был возможен, если сообразим все обстоятельства»¹⁶. Он обращал внимание на значительные силы, которые перешли на сторону восставших и которые могли бы «все решить»¹⁷, сочувственное отношение к восстанию собравшегося народа, ненадежность войск, еще оставшихся верными правительству, растерянность, царившую в правительственном лагере.

О неустойчивом положении в Петербурге 14 декабря 1825 г. сохранились также свидетельства лиц, не принимавших участия в восстании, но сочувствовавших ему и не разделявших той интерпретации происшедшего, которая содержалась в официальных сообщениях. С. Г. Волконский, являвшийся членом Южного общества, незадолго до своего ареста встретился в Умани со своим дивизионным командиром, который только что вернулся из Петербурга и был очевидцем восстания. По воспоминаниям Волконского, он резко и язвительно отзывался о том, как во дворце «потеряли головы», и высказывал твердое убеждение, что «легко было бы возмутившимся стать твердой ногой и с успехом в их предприятии»¹⁸.

Анализируя имевшиеся в его распоряжении данные, М. А. Фонвизин, видный деятель декабристского движения, историк, философ, военный специалист (ко времени ареста он был генерал-майором), в своем «Обзрении проявлений политической жизни в России» приходил к выводу, что в результате восстания, происшедшего в столице, «окончательная победа могла бы остаться на стороне тайного общества»¹⁹.

Не исключали того, что восстание декабристов могло завершиться успехом, и непосредственные преемники их дела А. И. Герцен и Н. П. Огарев. В юности они глубоко пережили это событие, а впоследствии познакомились и с некоторыми его участниками.

Герцен возражал тем, кто рассматривал известный истории финал восстания как predetermined. По его мнению, «попытка 14 декабря вовсе не была так безумна, как ее представляют... Им (декабристам.—

¹⁶ Там же, с. 70.

¹⁷ См. там же, с. 66.

¹⁸ Волконский С. Г. Записки декабриста. СПб., 1901, с. 440.

¹⁹ Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. II. Иркутск, 1982, с. 192

А. С.) не удалось, вот все, что можно сказать, — подчеркивал Герцен, — но успех не был безусловно невозможен»²⁰. Если бы восставшие сразу же предприняли атаку на плохо охранявшийся дворец, события могли бы развиваться иначе.

Оценивая шансы тайного общества, Огарев полагал, что, начиная выступление, оно «могло рассчитывать только на вероятный, но не на верный успех». Он высказывал предположение, что если бы у восставших был другой диктатор и они, не теряя времени, двинулись бы на дворец, то, «конечно, дела приняли бы другой оборот». «Вообще возмущенного войска... — писал Огарев, — было бы достаточно для присоединения к себе наибольшего количества войска и огромного количества народа, который все время не отставал от возмущенного войска, если бы действительно был на месте распорядитель»²¹.

Изучал восстание декабристов и П. В. Долгоруков, публицист и историк. Так же как Герцен и Огарев, он был знаком с некоторыми деятелями тайных обществ, вернувшимися из ссылки и бывавшими за границей. Отмечая целый ряд недочетов, свойственных организации восстания, Долгоруков тем не менее считал, что «успех заговорщиков и перемена образа правления висели на волоске...»²².

Все приведенные выше суждения, принадлежащие самим участникам движения, людям близким к нему или его непосредственным противникам, позволяют сделать заключение, что декабристы взялись за дело, с которым вполне могли справиться, что задача, которую они перед собой ставили, была вполне реальной и осуществимой.

Во время революционных ситуаций 50—60-х и 70—80-х годов XIX в. ведущей силой русского освободительного движения была революционная демократия (в том числе ее поздние представители — народники). Взгляды революционных демократов и народников были ограничены: они являлись мыслителями домарковского периода, хотя марксизм к этому времени уже появился

²⁰ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XIII. М., 1958, с. 43—44.

²¹ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, с. 234, 253, 792.

²² Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934, с. 159.

на мировой арене, а его идеи начали проникать и в Россию. Несмотря на то что видные деятели революционной оппозиции уже с 40-х годов знакомы с марксизмом, никто из них марксистом не стал. В связи с этим могут возникнуть два вопроса: какова причина этого и не нанесло ли неприятие марксизма непоправимого ущерба возглавляемому представителями русской революционной оппозиции освободительному движению?

То, что революционно-демократические мыслители России остановились перед марксизмом, можно отчасти объяснить тем, что творческий путь некоторых из них закончился преждевременно.

В. Г. Белинский прожил неполных 37 лет и лишь в последние годы познакомился с отдельными произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса (марксизм в это время переживал стадию становления).

В 1843 г. журнал «Отечественные записки» опубликовал статью В. П. Боткина «Германская литература», в которой была использована (в пересказе, а временами и дословно) брошюра Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение». Статью Боткина Белинский прочел, и она ему «чрезвычайно понравилась»²³. Позже Белинский использовал мысли Энгельса, почерпнутые из статьи Боткина при исследовании и оценке немецкой классической философии.

Белинскому были известны работы К. Маркса «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», напечатанные в «Немецко-французских ежегодниках» («Deutsch-Französische Jahrbücher») в 1844 г. От этого издания Белинский два дня был «бодр и весел» и истину из него «взял себе»²⁴.

Летом 1847 г. Белинский ездил для лечения за границу и побывал в Германии, Бельгии, Франции. Спутником его в этой поездке был П. В. Анненков, русский литератор, который был лично знаком с основоположниками марксизма, переписывался с К. Марксом. По-видимому, в беседах Белинского с Анненковым обсуждались и некоторые проблемы, ставившиеся новым учением. Белинский, несмотря на болезнь, проявлял большой интерес к мировоззренческим вопросам. «Мысль его, — писал Анненков, — уже обращалась в кру-

²³ См. Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII. М., 1956, с. 131.

²⁴ См. там же, с. 250.

гу идей другого порядка и занята была новыми нарождающимися определениями прав и обязанностей человека, новой *правдой*, провозглашаемой экономическими учениями...»²⁵

Трудно сказать, какой характер приобрели бы взгляды Белинского в дальнейшем, — летом 1848 г. он умер. Но если бы он и остался жив, его творческая деятельность вряд ли могла продолжаться. Некоторые участники кружков петрашевцев в 1849 г. за чтение его «Письма к Гоголю» пошли на каторгу. Л. В. Дубельт, управляющий III отделением, сожалея о смерти Белинского, говорил: «Мы бы его сгноили в крепости»²⁶.

Ближе, чем кто бы то ни было другой из русских революционно-демократических мыслителей, подошел к марксизму Н. Г. Чернышевский. Он знал некоторые марксистские работы, но главное — теоретический поиск его развивался в том же направлении. Отдавая должное заслугам Чернышевского в политической экономике, К. Маркс считал его великим русским ученым²⁷. В. И. Ленин называл Чернышевского великим гегельянцем (имея в виду его приверженность к диалектике) и материалистом. По его мнению, при решении некоторых философских проблем «Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса»²⁸.

Теоретическая и политическая деятельность Чернышевского была прервана арестом (в это время ему не исполнилось еще 34 лет), он был заключен в Петропавловскую крепость, а затем провел многие годы в Сибири — на каторге и в ссылке. В этих условиях Чернышевский не располагал уже той научной информацией, которая позволила бы ему составить полное представление об учении К. Маркса и Ф. Энгельса.

Но В. И. Ленин обратил внимание и на другое обстоятельство, помешавшее русскому мыслителю подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса. Он писал, что Чернышевский этого сделать не мог «в силу отсталости русской жизни»²⁹.

Тому, чтобы А. И. Герцен пришел к марксизму, казалось бы, все благоприятствовало. Еще в первом из

²⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 344.

²⁶ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977, с. 180.

²⁷ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 18.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 382.

²⁹ Там же, с. 384.

«Писем об изучении природы», написанном в 1844 г. в крепостной России, Герцен, по словам В. И. Ленина, «встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени». «Герцен,— писал Ленин,— вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»³⁰.

Некоторые идеи, содержащиеся в «Письмах об изучении природы», сходны с теми, которые высказывались К. Марксом и Ф. Энгельсом. Г. В. Плеханов, воспроизведший отрывки из «Писем» в своей статье «Философские взгляды А. И. Герцена», заметил: «Под впечатлением всех этих отрывков легко можно подумать, что они написаны не в начале 40-х годов, а во второй половине 70-х, и притом не Герценом, а Энгельсом. До такой степени мысли первого похожи на мысли второго. А это поразительное сходство показывает, что ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а стало быть, и Маркса»³¹.

В начале 1847 г. Герцен уехал за границу и до конца жизни пробыл в эмиграции. Многие годы он находился в Лондоне, там же, где и Маркс. В это время одно за другим выходили в свет важнейшие произведения основоположников марксизма. Творческий путь Герцена был достаточно продолжителен — он умер в 1870 г., четверть века спустя после создания «Писем об изучении природы».

И все же, несмотря на все эти благоприятные условия, Герцен до марксизма не поднялся: на его воззрениях сказывалась социальная отсталость покинутой родины.

Народники знали сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса и нередко ссылались на них в своих работах. Некоторые из них были знакомы и с самими основоположниками марксизма. Но они использовали марксистские идеи для подкрепления собственных концепций.

В начале 40-х годов М. А. Бакунин сотрудничал в тех же изданиях, что и К. Маркс, и между ними существовала определенная идейная близость, но Маркс быстро шел вперед, а Бакунин так и остался вплоть

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

³¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти томах, т. IV. М., 1958, с. 703.

до своей смерти в 1876 г. мыслителем революционно-демократического направления. Бакунин не считал, что Марксу и Энгельсу удалось понять общество научно, и не рассматривал марксизм как нечто принципиально новое по сравнению с другими течениями общественной мысли на Западе.

П. Л. Лавров, близко знакомый с Марксом и Энгельсом, так и не смог освоить их учение в полном объеме. В. И. Ленин писал о его верности в конце XIX в. традициям народничества и несоответствии его взглядов новой действительности в России и новым представлениям о политической борьбе³².

Каким же образом социальная отсталость России препятствовала ее лучшим представителям воспринять самое передовое учение?

Отсталость и дореформенной и пореформенной России по сравнению с Западной Европой проявлялась, в частности, в том, что в стране не было зрелого рабочего класса, а стало быть, и сколько-нибудь развитого рабочего движения. Российская социальная действительность не создавала поэтому достаточных предпосылок для восприятия пролетарской идеологии, идей научного социализма.

Основной силой русского освободительного движения являлась демократия, прежде всего крестьянство. Во время двух революционных ситуаций во второй половине XIX столетия существовала возможность революции, но лишь демократической, а не социалистической. В соответствии с этим воззрения руководящих деятелей русского освободительного движения, в том числе и наиболее радикальных из них, не поднимались до марксизма. Революционная демократия выражала демократические задачи революции в России.

А. И. Герцен так определял общественные настроения, существовавшие в начале 60-х годов в различных слоях общества: «Бакунин верил в возможность военно-крестьянского восстания в России, верили отчасти и мы, да *верило и само правительство...*»³³. Новейшие исследования революционной ситуации, возникшей в середине XIX в., подтверждают, что вера эта не была беспочвенной. Подъем массового движения грозил в это время

³² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 462—463.

³³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XI, с. 368.

перерасти в общее крестьянское восстание³⁴. Но брожение в среде крестьянства не завершилось революционными действиями. Правительству удалось ослабить социальную напряженность. Почувствовав себя уверенней, оно обрушило репрессии на революционно-демократический лагерь.

Также и народники — в период следующей революционной ситуации — действовали в соответствии с существовавшими тогда условиями, и их действия имели известный успех. В послесловии к работе «О социальном вопросе в России», написанном в 1894 г., Ф. Энгельс, анализируя события конца 70-х годов, пришел к выводу, что «в России в те времена было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета... заговорщиков-террористов. Власть этого второго, тайного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким...». Народники, по словам Энгельса, «своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях...»³⁵.

Историческая ограниченность воззрений, свойственная каждому этапу русского освободительного движения, не являлась ни тормозящим фактором его, ни причиной тех или иных его неудач. Более того, именно соответствие исторически сложившимся условиям придавало движению действенность. Если марксизму принадлежало будущее, то революционному демократизму — настоящее.

Не случайно цензурным запрещениям в России на протяжении нескольких десятилетий XIX в. чаще подвергались произведения демократической направленности (причем не только русских авторов), чем марксистские.

В 1849 г., когда велось следствие над петрашевцами, книга К. Маркса «Нищета философии», имевшаяся в их коллективной библиотеке, не привлекла внимания следователей. В 1848 г. эта книга (на французском языке) прошла цензуру, которая нашла ее проблематику отвлеченной и не имеющей никакого отношения к России. Сочинения же Прудона сразу были конфиско-

³⁴ См. Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978, с. 251.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 449, 451.

ваны: они казались следователям гораздо более опасными, чем работы Маркса (тем более что сам Прудон в это время находился в тюрьме).

Еще в 70-х годах марксизм не представлялся российской цензуре достаточно опасным учением (особенно при сравнении его с народничеством). Цензура пыталась даже противопоставить марксизм с его признанием социальных закономерностей терроризму народничества. Русский перевод «Капитала» успешно прошел цензуру. При этом произведение Маркса было охарактеризовано как трактат «строго научный, тяжелый и малодоступный». Лишь после того как в России окрепло рабочее движение, отношение цензуры к «Капиталу» стало иным. В 90-х годах не только его переиздание, но и распространение на иностранных языках разрешений уже не получали³⁶.

Несмотря на отмеченные выше объективные трудности восприятия марксизма в России, некоторым все же удавалось преодолеть их. Людей, постигших учение Маркса, в 70-х годах было немного, но они были. Б. П. Козьмин, один из исследователей этой эпохи, обращал внимание на трагизм их положения: усвоив взгляды Маркса, они не обнаруживали никаких возможностей бороться за их воплощение в жизнь. «Что же оставалось делать ученикам Маркса в России того времени? — спрашивает Козьмин. — Покориться неизбежному ходу вещей и покорно ждать, сложа руки, пока Россия догонит в своем экономическом развитии западноевропейских соседей, пока в ней вполне сложатся общественные отношения по типу западноевропейских? Мы знаем, что некоторые из русских «учеников» Маркса в 70-е годы приходили именно к такому фаталистическому, безотрадному заключению»³⁷.

Опасность такого усвоения марксизма сохранялась и в 80-х годах. Думается, что доктринерство Г. В. Плеханова и его соратников по группе «Освобождение труда» (созданной в 1883 г.), как и их последующий меньшевизм, было обусловлено исторически (хотя сам по себе меньшевизм имел, конечно, в России социальные корни).

³⁶ См. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л., 1978, с. 53.

³⁷ Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961, с. 381.

Группа «Освобождение труда» имеет большие заслуги раннего (для России) восприятия марксизма; ее участники переводили и распространяли важнейшие произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, пропагандировали марксистские идеи. Вместе с тем ее теоретические издержки, сказавшиеся также на последующих индивидуальных судьбах ее участников, не случайны.

Обратим внимание еще на одну проблему, связанную с осуществлением исторических задач.

Известны такие случаи, когда поставленная историческая задача еще не может быть решена, но при этом значительные социальные силы пришли в движение. Появляются возможности основательного разрушения существующих, но отживших уже свой век социальных структур. Историческая значимость такого разрушения состоит в том, что устраняются препятствия на пути общественного развития и тем самым создаются предпосылки для решения иной задачи — той, которая действительно назрела.

Во время Великой французской революции события 31 мая — 2 июня 1793 г. привели к власти якобинцев. Была установлена революционно-демократическая диктатура, просуществовавшая до 27 июня 1794 г. Якобинцы успешно осуществили ту часть своей программы, которая предусматривала ликвидацию сохранявшихся еще после 1789 г. феодальных структур. Уже за первые 6 недель своего пребывания у власти якобинцы сделали больше, чем предыдущие правительства за 4 года революции, — сокрушительный удар, который они нанесли по феодализму, сломил его³⁸.

Но создать такой общественный порядок, который исключал бы социальное угнетение (а к этому они стремились), якобинцам не удалось. После крушения феодального строя расширяли сферу своего влияния буржуазные отношения и попытки как-то ограничить их не давали ожидаемых результатов. Социальные намерения якобинского правительства пришли в противоречие с реальностью исторического процесса.

В этих условиях террор, который первоначально использовался, по словам К. Маркса, для того, «чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Фран-

³⁸ См. История Франции в 3-х томах, т. 2. М., 1973, с. 44.

ции»³⁹, стал выполнять иную роль. Сделавшись средством самосохранения М. Робеспьера, террор, как подчеркнул Ф. Энгельс, «стал абсурдом»⁴⁰.

Нежелание считаться с исторической действительностью вызвало и экономические неурядицы. Власть, действовавшая именем народа, все более теряла его доверие и симпатии.

Иногда Робеспьер, желая узнать настроения в столице, прогуливался по ночному Парижу. Неузнанный, подходил он к очередям, выстраивавшимся перед продовольственными магазинами задолго до их открытия, и вступал в разговор с парижанами. Парижане были недовольны правительством, порицали Робеспьера. Якобинская диктатура быстро двигалась к неизбежной гибели.

Многие историки Французской революции находят поведение Робеспьера в последние два месяца его жизни странным: всегда столь энергичный и решительный прежде, он теперь постоянно медлил и колебался. А. З. Манфред убедительно объяснил состояние оцепенения, свойственное Робеспьеру в канун падения якобинской диктатуры, неизлечимым кризисом революции⁴¹.

Постановка исторически осуществимых задач — одно из непрременных условий исторического прогресса.

Х. Не истинное формально, но истинное исторически

Исторические задачи, которые приходилось решать человечеству или отдельным его группам, не всегда получали достаточно адекватное выражение в общественном сознании. Вплоть до середины XIX столетия вполне научной теории общества не существовало. Социальные события обычно интерпретировались в идеа-

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 299.

⁴⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 127.

⁴¹ См. Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции, с. 400.

листическом или религиозном смысле. Материалистическая трактовка действительности ограничивалась сферой природы; материализм, если и существовал, то только «внизу», а «наверху», в социальной сфере, дополнялся идеализмом.

Было бы мало только противопоставлять воззрения как адекватные и неадекватные и считать, что первые непременно содействуют прогрессу, а вторые ему только противодействуют.

Методологически важным для правильного понимания различных идейных конструкций является положение, сформулированное Ф. Энгельсом в предисловии к первому немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии»: «...что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле...»¹ Этот вывод Энгельс использовал для анализа конкретных ситуаций. Он писал, например, по поводу некоторых народнических воззрений: «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение...— эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов»². Сформулированный Энгельсом принцип применим, конечно, не только к экономике, но и к социальной жизни вообще.

Характерный признак тех доктрин прошлого, которые идеологически предваряли социальный переворот,— неадекватное изображение в них будущего: оно подвергалось значительной идеализации. При свершении буржуазной революции ее вожди обещали народу общество, которое воплотит в себе лучшие социальные идеалы. Буржуазное общество в действительности оказалось совсем иным. Но если бы в то время удалось более точно прогнозировать будущее, то вряд ли оно вообще стало бы возможным: массовых проявлений энтузиазма и самопожертвования, без которых революции не происходят, просто не было бы.

Еще Б. Фонтенель, имея в виду подобные явления, заметил, что люди «никогда ни за что не возьмутся, если будут думать, что достигнут лишь того, чего они и достигают на самом деле. Нужно, чтобы перед их мысленным взором был воображаемый предел, который

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 184.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 451.

бы их воодушевлял... Если бы, по несчастью, истина явилась нам в своем подлинном обличье, все было бы раз навсегда потеряно»³.

Крайнее проявление неадекватности — религиозные идеи. Религия — фантастическое отражение действительности, «в котором земные силы принимают форму неземных»⁴. Ни одно религиозное представление не является, конечно, истинным в формальном отношении, но в историческом плане различные религиозные воззрения были весьма неоднозначны.

Главная задача религиозной ортодоксии в классово антагонистическом обществе — регулировать отношения между классами таким образом, чтобы господствующие классы не претерпели ущерба. «Того, кто всю жизнь работает и нуждается, — писал В. И. Ленин, — религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»⁵.

Подразумевая ее регулирующую функцию, К. Маркс и В. И. Ленин называли религию не просто опиумом, а опиумом народа. По словам Ленина, идеологи эксплуататорских классов «спаивают народ религиозным опиумом»⁶. В обществе, основанном на классовых антагонизмах, господствующие религиозные представления (а таковыми являются представления господствующего класса) действуют расслабляюще на волю и усыпляюще на разум народных масс. Но они не воздействуют подобным же образом на классы, находящиеся на верхних ступенях социальной лестницы. Верхам общества религиозная ортодоксия не внушает социальной пассивности, не предлагает игнорировать реальные привилегии во имя иллюзорной компенсации «в буду-

³ Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979, с. 50—51.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 328.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 142—143.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 237.

шем». Более того, санкционируя их место в системе социальной иерархии, освящая их права, она стимулирует их социальную энергию и активность, является своего рода допингом.

В тех случаях, когда религия подчиняет себе различные формы общественного сознания или по крайней мере основательно воздействует на них, социальный протест бывает выражен в религиозных представлениях. Такие религиозные воззрения, известные в прошлом, как ереси, но свойственные и современности, противопоставляются официально признанным религиозным взглядам, религиозной ортодоксии. В. И. Ленин писал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»⁷, что в некоторые исторические периоды «борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной идеи против другой*»⁸.

Религиозные воззрения, воплощающие требования революционных и демократических движений, существенно отличаются от религиозной ортодоксии. Революционные религиозные воззрения (этим термином пользовался Ф. Энгельс) помогают определенным социальным слоям выйти из-под влияния религиозной ортодоксии, выразить свои собственные интересы и отстаивать их.

Подобные религиозные взгляды не только не скрепляют отношения эксплуатации и угнетения, а, напротив, призывают к их разрыву.

Такие религиозные воззрения не подпадают уже под те оценки, которые относятся к упомянутым выше проявлениям религии, хотя в любом случае другие качества последней, и прежде всего неадекватное отражение в ней действительности, сохраняются. Л. Корвалан, анализируя религиозную проблему в современной Латинской Америке, где многие религиозные организации утрачивают прежние и избирают новые социальные ориентиры, пишет: «Положение меняется, если церковь прекращает проповедовать смирение и конформизм, перестает служить интересам господствующих классов, а начинает заботиться о жизни и судьбе угнетенных...

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

В условиях сегодняшней Латинской Америки церковь утрачивает функцию распространения «опиума для народа»⁹.

В современную эпоху значительное число религиозных центров и направлений по-прежнему связано с капиталистической системой. Вместе с тем ряд религиозных организаций, немало религиозных деятелей, а главное, массы верующих принимают участие в движениях за мир, демократию и социальный прогресс. Социалистический идеал, хотя он нередко и деформирован религиозной оболочкой, оказывает существенное воздействие в религиозной среде. Все большую поддержку и здесь получает марксистская программа борьбы за социализм, хотя обычно она и подкрепляется религиозными понятиями.

Если брать более широкий план, можно считать, что прогрессу не чужды те религии, которые представляют новый социальный строй, помогают его борьбе со старым.

Когда первая общественно-экономическая формация отживала свой век, на смену ей пришла рабовладельческая. Рабство, как известно, наиболее жестокая форма эксплуатации. Впоследствии, когда рабовладельческие отношения исторически изжили себя, они выглядели особенно непривлекательными. Но рабовладельческая формация была исторически неизбежна. Велико было ее влияние и на последующую историю. «Без рабства,— писал Ф. Энгельс,— не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»¹⁰.

Вместе со становлением рабовладения появляются и его атрибуты. Возникает государство; его элементы — вооруженные отряды людей, тюрьмы, различные инсти-

⁹ Корвалан Л. Чилийская католическая церковь. — Латинская Америка, 1977, № 6, с. 38.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 185—186.

туты принуждения. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс назвал государство машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса. Не будь государства, новый социальный строй не мог бы утвердиться. Социальные конфликты вновь и вновь возвращали бы общество на его прежний уровень. Обращая внимание на этот аспект становления государственности, Энгельс писал: «...чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»¹¹.

Социальной и политической революции, приведшей к появлению рабовладельческой формации, соответствовал и идеологический переворот. Прежние анимистические верования уступили место политеистическим религиям. Политеизм был новой стадией религиозного развития. Представления об иерархии сверхъестественных сил и о сохраняющейся социальной иерархии в потустороннем мире дополняли реально существовавшее социальное неравенство.

Политеизм вытеснял или поглощал первобытные верования и тем самым помогал оформлению нового социального строя. В историческом плане становление рабовладения, государства и политеизма — явления одного порядка.

Когда рабовладельческая формация переживала кризис и надвигались феодальные революции, распространение получили такие религии, как христианство, ислам, буддизм, порожденные формирующимися феодальными отношениями. Они вступили в противоборство с традиционными для рабовладения политеистическими религиями и в конце концов одолели их.

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 170.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией»¹².

Проблемы первоначального христианства обстоятельно освещались Ф. Энгельсом в цикле его работ: «Бруно Бауэр и первоначальное христианство», «Книга откровения», «К истории первоначального христианства». Энгельс показал здесь, что первоначальное христианство иначе относилось к существовавшим издавна социальным институтам, чем прежние религии. Он писал, что христианство было в то время оппозиционно «по отношению к господствующему строю, к «властям предержажим»». Энгельс оценивал первоначальное христианство как «крупное революционное движение», как новую фазу развития религии, которой было «предназначено стать одним из величайших элементов революции»¹³.

Подвергая критике античные порядки и религии, которые их освящали, христианство содействовало торжеству новых порядков. Оно внесло свой вклад в социальный переворот, в ходе которого разрушалось рабовладение и формировался феодальный строй.

Правда, отношение христианства к рабовладению нельзя считать вполне последовательным. Формирующийся класс феодальных землевладельцев, постепенно становившийся руководящей силой христианского движения, хотя и был заинтересован в ликвидации рабства как социально-экономической системы, не имел ничего против отдельных элементов рабовладения, которые включались бы в общую систему новых отношений. Пережитки рабства долго сохранялись и после победы феодализма (в Византии, например, до XIV—XV вв.).

Непоследовательность отношения к рабовладению проявлялась и в раннехристианской идеологии, и в практической деятельности церковной организации. Но социальные идеалы раннего христианства все же достаточно определены. Выдвинутые им положения о равенстве всех людей перед богом никак нельзя было совместить с прежней идеологией.

Отрицательное отношение к рабству неоднократно выражалось и на церковных соборах, созывавшихся в IV—V вв. Соборы грозили церковным наказанием тем,

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 445.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 8, 10.

кто возвращал вольноотпущенника, за которым не было соответствующей вины, в рабское состояние.

В VII в. феодальная революция совершилась на Аравийском полуострове. Этому событию предшествовало разложение первобытнообщинной формации. Социальное развитие совершалось здесь, минуя рабовладельческую формацию, непосредственно от первобытнообщинной к феодальной. В рамках отжившей свой век формации борьба велась между тремя укладами — первобытнообщинным, рабовладельческим и феодальным. Победа в этой борьбе была одержана феодальным укладом. Ислам, оформившийся вместе с развитием феодальных отношений, не в малой мере содействовал их торжеству. Подчеркивая значительную роль ислама в данном социальном перевороте, Ф. Энгельс в одном из писем к К. Марксу даже называл его мусульманской революцией¹⁴.

Буддизм появился на Индостане в империи Маурьев во второй половине I-го тысячелетия до н. э. В эпоху Маурьев, когда рабовладение в Индии приобрело зрелый вид, возникли также зародыши будущих феодальных отношений¹⁵. Феодальный строй формировался в течение нескольких столетий. В это же время все большее распространение получал буддизм.

Его первоначальная история напоминает историю раннего христианства, поскольку обе религии развивались в рабовладельческих империях, в которых уже содержались элементы, чуждые рабовладению, исторически отрицавшие его. Имелось и идейное сходство. Подобно христианству, буддизм относился примиренчески к рабству, признавая, однако, равенство людей перед миром сверхъестественного, он также оказывался в оппозиции к прежним социальным отношениям и соответствующим им воззрениям, согласно которым большая группа людей как бы исключалась из общества и общественной жизни, приравнивалась к классу вещей. Буддизм порицал культивировавшиеся в рабовладельческом обществе откровенную жестокость и грубое насилие. И хотя принципы буддизма на практике постоянно нарушались, само их провозглашение возвещало о наступлении нового периода социальной жизни. Буд-

¹⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 221.

¹⁵ См. Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973, с. 148.

дизм, так же как христианство и ислам, был провозвестником средневекового общественного устройства, образа жизни и мышления ¹⁶.

В позднем средневековье вновь происходят столкновения разнородных религиозных систем. В Западной Европе кроме католицизма появляются различные направления протестантизма. Порожденные складывавшимися в феодальной формации буржуазными отношениями, они помогали им отстаивать свое существование. Под влиянием тех же причин в самом католицизме вновь и вновь вызревали религиозные взгляды (такие, как янсенизм), близкие по своей сути к протестантским. Впоследствии реформационные воззрения выявлялись и в других религиях. Историческая роль подобных воззрений аналогична той, которая была свойственна протестантизму.

Каким же образом религиозные воззрения, несмотря на присущую им всем неадекватность, выполняли неоднозначные социальные функции?

Ф. Энгельс во введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» показал, почему кальвинизм стал идейной платформой новых социальных сил. По его словам, догма Ж. Кальвина «отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил... Притом устройство церкви Кальвина было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов?.. Кальвинизм создал республику в Голландии и деятельные республиканские партии в Англии и прежде всего в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии» ¹⁷. В XVI в. ему предшествовала

¹⁶ См. *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история, с. 248—249.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 22, с. 308.

неудавшаяся революция в Германии, совершавшаяся под знаменами другой разновидности протестантизма — лютеранства.

Таким образом, религиозные представления хотя и неадекватны, но свойственная им неадекватность относительна. Религия является фантастическим отражением действительности, но все же это отражение, а не просто вымысел; наряду с социальными у нее имеются и гносеологические корни.

Религиозная система обладает сложной структурой и помимо специфически религиозных представлений (о сверхъестественных существах, загробном мире, потустороннем возмездии и т. д.) содержит социальные принципы (или доктрину), религиозные мораль, философию и еще целый ряд таких же образований.

Эти структурные элементы религиозной системы появляются вследствие интенсивного взаимодействия религии с правом, политикой, моралью, философией и т. п. В местах соприкосновения религии с ними, а отчасти и сращивания возникают отмеченные компоненты религиозной системы.

Все эти образования можно рассматривать как некие автономные элементы, сопутствующие собственно религиозным представлениям и составляющие с ними единое целое. Благодаря им религиозная система приобретает значительную устойчивость в сфере общественного сознания и общественных отношений, возможности ее воздействия на социальную среду возрастают.

Эти структурные единицы, как и чисто религиозные представления, придают религиозной системе нормативно-оценочный характер. Различные религиозные воззрения выражают то или иное отношение к явлениям действительности — порицают или одобряют их, призывают отвергнуть или поддержать, содержат определенные рекомендации норм поведения и деятельности.

Дифференцированного подхода к религиозным взглядам явно не доставало домарксистскому атеизму, представители которого были склонны к тому, чтобы рассматривать религиозные разногласия всегда и только лишь как бессмыслицу. К. Маркс и Ф. Энгельс не соглашались с такой интерпретацией истории религии.

Энгельс, высоко ценивший атеистические выступления Лукиана из Самосаты (он называл его Вольтером классической древности), находил, однако, что отожд-

дествление им древнеримских и христианских верований является данью плоскому рационализму¹⁸. Энгельс считал упрощением выводы тех современных ему авторов, которые, делая экскурсы в историю религии, видели «в борьбе, положившей конец средневековью, одни только яростные богословские перебранки». Иронически характеризовал он этих авторов как «знатоков истории и государственных мудрецов»¹⁹.

История не свободна от парадоксов.

В конце средних веков влияние религии пошло на убыль и буржуазные доктрины, прежде высказывавшиеся лишь на религиозном языке, все чаще приобретали светский облик. Но и феодальная идеология не всегда уже имела религиозное оформление. Бывало и так, что буржуазные воззрения по традиции существовали в религиозной форме, а феодальные — в светской. Ф. Энгельс отмечал, например, своеобразную ситуацию, сложившуюся в Англии при переходе ее к буржуазному строю: главные боевые силы прогрессивного среднего класса составляли протестантские секты, они же доставили и знамя для борьбы против Стюартов, а деистическая форма материализма являлась аристократическим, эзотерическим учением, связанным с антибуржуазным политическим направлением и поэтому ненавистным среднему классу²⁰. Но в каком бы виде ни выступали в то время буржуазные и феодальные воззрения, первые выполняли прогрессивную миссию, а вторые были реакционны.

В современном мире ведущей силой прогрессивных изменений стало коммунистическое движение, руководствующееся в своей деятельности марксистско-ленинским мировоззрением, составным элементом которого является научный атеизм. В числе союзников и противников коммунистического движения — множество различных групп, мировоззрение которых нередко весьма противоречиво. Среди союзников международного коммунизма — значительное число верующих и религиозных организаций; среди противников — некоторые группы свободомыслящих, разделяющие реакционную буржуазную идеологию и антикоммунизм, предпочитающие

¹⁸ См. там же, с. 469.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 359.

²⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 310—311.

абстрактное просветительство решению назревших социальных проблем.

Отмеченный выше тезис, сформулированный Ф. Энгельсом, как и другие положения исторического материализма, имеет не только теоретическую, но и политическую значимость.

XI. Исторические альтернативы и варианты социального прогресса

Истории чужд фатализм. «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно,— писал К. Маркс,— если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны,

история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями»¹.

Истории свойственна альтернативность: из двух или нескольких взаимоисключающих возможностей действительностью становится лишь одна. Если побеждает прогрессивная тенденция, развитие продолжается дальше, если реакционная или консервативная — замедляется, временно приостанавливается.

Но и при движении вперед, и при задержках развития возможны варианты. Поэтому, когда речь идет об исторических альтернативах, нельзя забывать также об их вариациях, в том числе о вариациях прогрессивного развития, которые в свою очередь не исключают альтернативность.

В истории античного общества наступил такой момент, когда был поставлен вопрос: оставаться ли ему полисным, т. е. состоящим из множества самостоятельных городов-государств, или же существовать в дальнейшем в форме крупной державы, империи. Возникла

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175.

историческая альтернатива, получившая в конце концов однозначное решение: развитое рабовладельческое общество, которое нуждалось в постоянном поступлении рабов извне и которому органически присуща внешняя экспансия, оформилось в обширное государство с сильной властью. Таким государственным образованием стала Римская держава, объединившая в своих границах античный мир и его периферию. Но созданию такого античного государства предшествовали попытки, которые не были достаточно удачными.

Первым вариантом античной империи стала афинская морская держава — Архе Афинская (буквально: Афинская империя). Союз греческих полисов, в котором главенствовали Афины, сложился в 70—60-х годах V в. до н. э., в период греко-персидских войн. Во время своего расцвета (в середине V в. до н. э.) союз насчитывал более 200 городов. Он делился на несколько округов, возглавлявшихся афинскими уполномоченными. В Афинах хранилась союзническая казна и сосредоточивались важнейшие функции управления. Постепенно формировалось единое государство. Однако процесс этот завершен не был — после поражения, нанесенного Архе Афинской в Пелопоннесской войне (431—404 гг. до н. э.) Пелопоннесским союзом, возглавлявшимся Спартой, она прекратила свое существование.

Длительная война истощила и ослабила всю Грецию. Однако вместе с ее упадком начинается быстрое возвышение ее северного соседа — Македонии. К 338 г. до н. э. при македонском царе Филиппе II Греция была завоевана Македонией. Сын Филиппа II Александр Македонский значительно расширил пределы государства. В результате его походов на Восток возникла держава, простиравшаяся от Дуная до Инда.

В социальном отношении империя Александра была неоднородной. Она охватывала области античного мира и территории Востока с характерным для них азиатским способом производства. Не имевшая достаточно прочных внутренних связей, империя представляла собой весьма неустойчивое образование и распалась сразу же после смерти в 323 г. до н. э. своего основателя.

Создание греко-македоно-персидской державы нельзя объяснить лишь воинственными наклонностями македонских владык; это была одна из попыток осуществить назревшую историческую потребность.

То, что не получилось у Афин и Македонии, сделал Рим. Возникнув как небольшое поселение на холмах у Тибра, Рим неуклонно прибирал к рукам окружающие пространства, сначала близкие, в Лациуме, на Апеннинском полуострове, а затем и все более отдаленные. Пунические войны, продолжавшиеся с 264 по 146 г. до н. э., позволили Риму покончить со своим главным соперником в Западном Средиземноморье — Карфагеном. К 168 г. до н. э. Риму подчинились Македония и большая часть Греции. Рим стал великой державой, причем расширение римской территории продолжалось и впоследствии. В отличие от тех держав, которые являлись его предшественниками, Римское государство просуществовало долго: гибель его датируется 476 г. н. э.

Когда сложилось обширное Римское государство, возникла иная историческая альтернатива: управляться ли ему традиционными республиканскими учреждениями или перейти к другой, более централизованной и авторитарной форме правления. Появились политические группировки, отстаивавшие различные — прежние и новые — идеалы. Выдвигаются претенденты на высшую власть, оспаривающие ее друг у друга. После гражданской войны 49—45 гг. до н. э. неограниченным правителем Римской державы становится Юлий Цезарь. «Тем не менее мы видим,— писал Гегель в «Философии истории»,— что благороднейшие римляне полагали, что господство Цезаря есть нечто случайное и что оно держится исключительно благодаря его индивидуальности: так думал Цицерон, так думали Брут и Кассий; они полагали, что если бы этот индивидуум был устранен, то восстановление республики произошло бы само собой. Под влиянием этого замечательного заблуждения Брут, в высшей степени благородная личность, и Кассий, более энергичный, чем Цицерон, убили человека, доблести которого они ценили. Но непосредственно после этого обнаружилось, что лишь одно лицо могло управлять римским государством, и тогда римляне должны были поверить этому...»².

Прошло менее двух десятилетий после гибели Цезаря, и монархическое правление утвердилось в Риме окончательно. Но монархия восторжествовала в ином варианте: если Цезарь пытался установить ее по во-

² Гегель. Сочинения, т. VIII, с. 295—296.

сточному образцу, то его преемник на троне Октавиан Август стал основоположником принципата — власти, монархической по существу и республиканской по внешним признакам. Октавиан являлся принцепсом сената — он, как и его преемники, значился первым в его списках. Сохранялись прежние государственные должности — некоторые из них занимал принцепс. Римские традиции не приходилось ломать — старые формы наполнялись новым содержанием.

«Имени «государь» он всегда страшился как оскорбления и позора, — пишет об Октавиане Светоний. — Когда при нем на зрелищах мимический актер произнес со сцены:

— О добрый, справедливый государь! —

и все, вскочив с мест, разразились рукоплесканиями, словно речь шла о нем самом, он движением и взглядом тотчас унял непристойную лесть, а на следующий день выразил зрителям порицание в суровом эдикте»³. Официально утверждалось даже, что именно Октавиан Август осуществил восстановление республики.

И при создании Римской империи историческая альтернатива, таким образом, не ограничивалась простым противопоставлением монархизма республиканизму; монархический принцип, воплощаясь в жизнь, приводил к различным следствиям.

Исторические альтернативы не раз возникали в истории России.

В XIV в. здесь начался процесс складывания единого государства, и в течение длительного времени происходила борьба между сторонниками и противниками феодальной раздробленности. Но противостоявшие друг другу феодальные партии также не отличались цельностью и единомыслием.

На роль объединителя русских земель претендовали Тверь и Москва. «На стороне тверских князей, — писал В. О. Ключевский, — были право старшинства и личные доблести, средства юридические и нравственные; на стороне московских были деньги и умение пользоваться обстоятельствами, средства материальные и практические, а тогда Русь переживала время, когда последние средства были действительнее первых»⁴.

³ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966, с. 56.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения в 8-ми томах, т. II. М., 1957, с. 20.

После 1327 г., когда восстание тверичей против ордынских завоевателей было подавлено, а столица их княжества подверглась разрушению, первенство среди русских княжеств перешло к Московскому. Тверь и впоследствии пыталась иногда соперничать с Москвой, но уже безуспешно. В 1485 г. она была захвачена московскими войсками, после чего Иван III стал именовать себя великим князем «всех Руси».

Об альтернативах, которые возникали в связи с развитием русского освободительного движения, мы говорили прежде.

Величайшая историческая альтернатива — капитализм или социализм — появилась первоначально в Западной Европе во второй половине XIX в. Сложившиеся объективные условия для одновременного перехода к социализму группы европейских государств. Парижская коммуна стала провозвестницей социалистического мира. Однако западноевропейскому капитализму в XIX столетии удалось отстоять свое существование и продолжить его. В XX в. социалистическая революция могла победить первоначально в одной, отдельно взятой стране, и эта возможность впервые была осуществлена в России. Система социалистических государств образовалась лишь после второй мировой войны. В наши дни альтернатива — капитализм или социализм — приобрела всемирный характер. Она решается в процессе общего кризиса капитализма, укрепления мировой социалистической системы, развития рабочего и национально-освободительного движения.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
I. СТАДИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА	7
II. СОЦИАЛЬНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ	17
III. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ФОРМЫ	28
IV. КЛАССИЧЕСКИЕ ОБРАЗЦЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНО- МИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ И ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ИДЕ- АЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА	31
V. РАЗВИТИЕ, МИНУЮЩЕЕ НЕКОТОРЫЕ ФОРМАЦИИ	40
VI. ПРОГРЕСС В РАМКАХ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	48
VII. В НЕСХОДНЫХ УСЛОВИЯХ — РАЗНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ	56
VIII. СОЦИАЛЬНАЯ МИМИКРИЯ	68
IX. РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАДАЧ — ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	76
X. НЕ ИСТИННОЕ ФОРМАЛЬНО, НО ИСТИННОЕ ИСТО- РИЧЕСКИ	95
XI. ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ И ВАРИАНТЫ СО- ЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА	106

С91 Сухов А. Д. Прогресс и история. — М.: Мысль, 1983. — 111 с.
95 к.

В предлагаемой работе подводятся итоги исследованиям, которые в последнее время были осуществлены советской философской и исторической науками по различным аспектам исторического прогресса, рассказано о проблемах, носящих дискуссионный характер.

Для научных работников, преподавателей, широкого круга читателей, интересующихся вопросами общественного развития.

С 0302010000-002 24-84
004(01)-83

ББК 63.3
9

Андрей Дмитриевич
Сухов

ПРОГРЕСС И ИСТОРИЯ

Заведующий редакцией
Ю. И. Аверьянов
Редактор
К. В. Григорьев
Младший редактор
А. Ю. Голосовская
Оформление художника
В. А. Захарченко
Художественный редактор
С. М. Полесицкая
Технический редактор
М. Н. Мартынова
Корректор *Г. С. Михеева*

ИБ № 2485

Сдано в набор 24.05.83. Подписано в печать 13.10.83. А 03524. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печатных
листов 5,88. Учетно-издательских листов 6,13. Усл. кр.-отт. 6,21. Тираж 5000 экз.
Заказ № 640. Цена 95 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном комите-
те СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва. 103051, Цветной бульвар, 26.

А. Д. Сухов

Прогресс и история

**СУХОВ
АНДРЕЙ
ДМИТРИЕВИЧ,
ДОКТОР
ФИЛОСОФСКИХ
НАУК,
ПРОФЕССОР,
РОДИЛСЯ В 1930 Г.**

Окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и аспирантуру Института философии АН СССР. В 1968 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Философские проблемы происхождения религии» в АОН при ЦК КПСС. С 1973 по 1979 г. А. Д. Сухов — профессор АОН при ЦК КПСС. В настоящее время заведует сектором в Институте философии АН СССР. Автор многих публикаций, в том числе шести книг. Одной из последних крупных работ А. Д. Сухова является монография «Атеизм передовых русских мыслителей» («Мысль», 1980 г.).